

Глава V

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В РОССИИ И ОТНОШЕНИЯ С США

Десять лет дискуссий и поисков по формированию внешнеполитической стратегии Российской Федерации непродолжительный срок в деятельности государства, но в то же время это период достаточный для оценки происшедших изменений в стране и в мире и концептуального оформления линии поведения страны в новом статусе и с новыми возможностями участия в мировых делах и влияния на международные процессы.

Можно выделить три этапа в международной деятельности Российской Федерации, хотя, как и всякое иное деление, оно условно:

1. Период 1992 – первой половины 1993 года, определенный российскими политологами как время проведения прозападной (реактивной) политики, в основе которой было стратегическое партнерство с США, другие внешнеполитические направления либо вообще не прорабатывались, либо основывались на ложной парадигме (СНГ, Ближний и Средний Восток, страны ЦВЕ, Латинская Америка, Индия, Китай); не была проработана идейная база политики России в новом субъектном качестве, не были четко определены национальные интересы страны¹.

2. Период возрождения силовой дипломатии с использованием военной силы во второй половине 1993 года и до конца 1994 года; это выразилось в активизации действий в Закавказье и в Средней Азии, Россия заявила об особой роли на постсоветском пространстве, объявила неприемлемым расширение НАТО за счет стран ЦВЕ, что привело к осложнению отношений с США².

---

¹ Отдельные российские политологи, определяли этот период как «политику перестроечных либералов».

² Большинство американских политологов охарактеризовали действия России в Закавказье как возрождение «неоимперских» тенденций и экспансионистских устремлений по воссозданию СССР.

3. Период, начавшийся в 1995 году, в ходе которого победил центристский подход, ориентированный на национальные интересы страны, направленный на создание благоприятного международного климата для реформирования России и укрепления ее позиций в мире.

Дебаты по вопросам внешней политики России происходили неравномерно. Содержание и направленность дискуссий определялись внутривнутриполитической ситуацией (расклад политических сил, ход реформ); результатами внешнеполитической деятельности (при решении общемировых и региональных проблем); действиями тех или иных стран (или групп стран) в отношении России. Самые активные дискуссии начались в 1995 году, когда стали очевидными неприемлемость и невыгодность для России проамериканского курса, не давшего ожидаемых результатов и не принесшего каких-либо выгод стране, находившейся в кризисном состоянии, а начало процесса расширения НАТО и эскалация конфликта в бывшей Югославии не оставили надежд на выгодный России компромисс с Западом относительно ее участия в строительстве нового мирового порядка.

Обсуждение внешнеполитических проблем в российском политико-академическом сообществе оказывало влияние на формирование стратегии, многие из идей, высказанных в ходе дебатов, были использованы при подготовке Концепции внешней политики Российской Федерации и в практической деятельности МИД РФ.

Раздел 9. Идея стратегического партнерства с Западом и политика России

Прозападный курс: партнерству с США нет альтернативы

В первые годы существования Российской Федерации в качестве самостоятельного субъекта международных отношений ее деятельность в значительной степени определялась той частью внешнеполитической элиты, представители которой были авторами концепции роспуска СССР и создания Содружества Независимых Государств. Большинство российских либералов начала 1990-х годов (в прошлом — это советские либералы времен перестройки) полагали, что Российская Федерация, объявившая себя правопреемницей Со-

ветского Союза и отказавшаяся от активной политики в третьем мире и других регионах мира, будет ориентироваться на страны Запада и проводить политику в соответствии с идеями нового политического мышления и на основе договоренностей, достигнутых между СССР и США в конце 1980-х годов и в 1990–1991 гг.

В 1992–1993 гг. дебаты по вопросам внешней политики еще не стали предметом острых разногласий в среде либералов, что объяснялось рядом причин. Одна из них состояла в том, что большая часть российской политической элиты рассматривала Россию в качестве аналога СССР, несмотря на происшедшие изменения, не считала необходимым разрабатывать внешнеполитическую стратегию, отличную от той, которая была сформулирована в конце 1980-х годов и в основе которой было сохранение равноправного стратегического партнерства с США. То, что со стороны США не наблюдалось аналогичной тенденции на равноправные партнерские отношения, расценивалось как временная и преодолимая ситуация.

В эти годы, которые в Соединенных Штатах были переходными от республиканской администрации Дж. Буша-старшего к демократической администрации Б. Клинтона, стратегия США и стран Запада в отношении России и других постсоветских государств еще не была окончательно сформулирована, и это оставляло надежды на реализацию идей сотрудничества двух держав, на то, что интересы России будут учтены и ей будет оказана широкомасштабная экономическая помощь.

Недостаточность доктринального обеспечения российской внешней политики объяснялась также тем фактом, что из-за известной самоуверенности российских либеральных политиков не уделялось должного внимания академической экспертизе и теоретическим разработкам по международным проблемам. А это было весьма важным фактором, так как перенесенная на Российскую Федерацию внешнеполитическая концепция времен советской перестройки не могла быть использована в новых международных условиях после окончания холодной войны, не отражала интересов страны. Требовалась серьезная научная оценка мировой ситуации и выработка новой концепции внешней политики России.

В отдельных публикациях 1991 года не только прорабатывалась концепция создания содружества государств на новой основе, отличного от Советского Союза, но и обсуждались возможные

изменения во внешней политике СССР или «нового союза». Так, политолог И.Е. Малашенко, в то время консультант аппарата М.С. Горбачева, рассматривал возможность кардинального внутреннего переустройства Советского Союза, оформления «разрыхленной» структуры государства, при которой республики должны были получить большую самостоятельность не только во внутривнутриполитической сфере, но и во внешнеполитической. Он высказывал мысль о том, что внутренние структурные изменения в стране позволят республикам проводить собственную внешнюю политику, у России будет своя стратегия, свои национальные интересы великой евразийской державы.

В то время было распространено суждение о том, что время сверхдержав проходит, и СССР и США могут пересмотреть свои глобальные планы. По мнению И.Е. Малашенко, в новом качестве Советский Союз вряд ли будет вести себя как глобальная сверхдержава, монолитно интегрированный центр силы, скорее он превратится в менее централизованное государство, не обладающее прежним потенциалом мобилизации ресурсов и проекции силы далеко за пределами своих границ. На основании этого делался вывод о том, что СССР не будет стремиться «сравниваться силами со всеми возможными противниками», его действия будут направлены на «поддержание устойчивого равновесия сил в Евразии, стабильности в регионах, расположенных в непосредственной близости от его границ»¹.

Сторонники такого оптимистического подхода в духе нового политического мышления считали, что Соединенные Штаты будут проводить аналогичную политику по сокращению своего сверхдержавного влияния, сохранится основа для возможного пересечения или даже совпадения интересов СССР и США, и соответственно, их совместных действий, или, по крайней мере, параллельных действий на целом ряде направлений. В рассуждениях сторонников идеи сближения двух держав и неизбежного окончания эпохи сверхдержав прозвучали две мысли, которые после распада Советского Союза были взяты за основу внешней политики России: 1) необходимость сужения сферы внешнеполитической деятельности в новых международных условиях при со-

---

¹ Малашенко И.Е. СССР и США после тоталитаризма и «холодной войны» //Международная жизнь. — 1991. — № 5. — С. 5-18.

хранении высокого международного статуса страны; 2) надежда на добровольное согласие США отказаться от сверхдержавного статуса вместе с СССР. Российские политики в первые годы деятельности Российской Федерации как самостоятельного субъекта международных отношений ожидали, что Россия будет признана в качестве великой евразийской державы, получит высокий мировой статус (почти равный США), а Соединенные Штаты откажутся от поддержки какой-либо страны или стран в Евразии как противовеса России, т.е. не будут посягать на ее влияние на территории бывшего СССР и в Восточной Европе.

Сохранить Советский Союз не удалось, новая структура, возникшая на постсоветском пространстве — Содружество Независимых Государств, — стала союзом, где тенденции к независимости во всех сферах — экономической, политической, военной оказались более сильными, чем предполагали авторы создания новой структуры взамен СССР. Это породило серьезные проблемы для политики России на постсоветском пространстве, где США начали постепенно проводить политику, часто вступающую в противоречие с российскими интересами, а иногда и шедшую вразрез с ними.

В проходивших дискуссиях политологи и публицисты из числа представителей консервативной оппозиции сделали акцент на просчетах внешнеполитической деятельности Советского Союза, политики Горбачева — Шеварднадзе, которая, по их оценкам, в поисках неконфронтационных отношений с Западом любой ценой привела к утрате позиций в мировой политике, продемонстрировала неумение играть на глобальных противоречиях между США, странами третьего мира и Западной Европой, вместо того чтобы, подобно КНР, постоянно демонстрировать готовность к мирной и военной конфронтации с Западом. Высказывалась мысль, что МИД РФ не оценил должным образом негативные последствия советской политики конца 1980-х годов и продолжал ориентацию на партнерство с США, предполагавшее односторонние уступки со стороны России, особенно в жизненно важном регионе ее влияния — странах СНГ. Российских дипломатов упрекали в том, что они не видели разницы между интересами России и США, допускали, чтобы президент США Дж. Буш откровенно говорил о «желании Америки перековать мир по собственным лека-

лам», а государственный секретарь США Дж. Бейкер выступал как посредник в отношениях между отдельными странами СНГ¹.

Либеральные политологи высказывали противоположные мнения. Так, А.Ю. Шумихин считал, что в новых условиях России выгодно иметь поддержку США, в том числе на пространствах бывшего СССР. Согласно его точке зрения, «российское руководство было заинтересовано в том, чтобы американцы лучше понимали внутренние российские проблемы, равно как и характер отношений России с другими странами СНГ, причины их возможной неустойчивости»². С ним соглашался авторитетный специалист по международным отношениям С.А. Караганов, говоривший о необходимости сохранить открытость Западу, так как это было важно для продолжения реформ, позволило бы сконцентрироваться на делах в Евразии, прежде всего в СНГ, ставших основной сферой политики России в условиях, когда резко сузилась база ее международного влияния³.

Открытость России и ее политики рассматривалась российскими либералами-перестроечниками в качестве важного условия для установления партнерства с США и странами Запада. Сохранялась надежда на то, что отношения с Россией будут строиться почти как с СССР, т.е. на равноправной основе. Однако достаточно скоро подобным иллюзиям было суждено развеяться. В 1992 году в американском военно-политическом истеблишменте позиция США в отношении России была сформулирована следующим образом: не позволить ей возродиться в качестве великой державы в Евразии, проводить в странах СНГ и Балтии политику, направленную на укрепление их независимости от России, препятствовать созданию какого-либо военного или военно-политического союза на постсоветском пространстве, а также между Россией и КНР, который мог бы воспрепятствовать проведению американской политики или представить альтернативу НАТО.

Одним из первых свидетельств разницы в подходах к развитию российско-американских отношений помимо политики США в странах СНГ стал вопрос о торговле оружием и передовыми тех-

---

¹ Комсомольская правда. — 1992, 19 марта.

² Шумихин А.Ю. Что скажет Ельцин в США // Московские новости. — № 5. — 1992 (февраль).

³ Караганов С.А. Как быть с наследием? // Московские новости. — № 1. — 1992, 2 января.

нологиями, которая оставалась для России важнейшим источником поступления средств в бюджет. Либеральные гражданские и военные эксперты высказывались за тесное сотрудничество со странами Запада в военной области, прежде всего в осуществлении мер по предотвращению распространения ядерного оружия и технологий. Они считали, что это позволит российскому руководству упорядочить выходящие из-под его контроля поставки советского вооружения за рубеж. Однако уже на самом начальном этапе выявились различия в видении такого взаимодействия.

США хотели бы, чтобы Россия вообще отказалась от продажи вооружений ряду стран, которые не принадлежали к друзьям Америки (в их число помимо Ирана, Ирака, КНДР, Вьетнама включались КНР и Индия), но долгое время были союзниками СССР и его должниками. Соединенные Штаты решительно воспротивились решению России продать Индии ракетные двигатели и заявили о применении санкций против Главкосмоса и соответствующих индийских организаций¹. Г.Э. Бурбулис (в то время госсекретарь РФ), возмущенный позицией США, заявил в связи с этим следующее: «Мы намерены подтвердить свои обязательства в рамках этого контракта, опираясь на международную нейтральную экспертизу, которая позволит снять все вопросы, с чьей бы стороны они ни возникли. Мы считаем, что такой подход соответствует нормам формирующихся международных отношений и может быть хорошим уроком всем нам, в том числе тем государствам, которые стремятся быть законодателями мод на всей Земле и не всегда соотносят это с интересами своих партнеров»². Г.Э. Бурбулис не мог (или не хотел) признать, что с уходом одной из сверхдержав — Советского Союза — США не станут добровольно отказываться от своего влияния, в том числе и на Россию, которая для них не представляла прежней угрозы и не имела равного им статуса.

Отдельные внешнеполитические эксперты отмечали, что ситуация в мире изменилась весьма радикально для России, стали иными условия игры и вчерашние оппоненты могли указать Москве новое место в мировой иерархии. Сложившееся положение

---

¹ См.: Хоменко Н.А. Российский экспорт вооружений: проблемы и перспективы. — М., 1996.

² Цит. по: Шаклеина Т.А., Батюк В.И. Россия и Америка: российская внешнеполитическая мысль о российско-американских отношениях. — С. 22-23.

характеризовалось следующим образом: «...предприятиям ВПК, чтобы выжить, приходится заботиться о себе самим. Наша продукция на мировом рынке хоть и конкурентоспособна, но по качеству не превосходит американскую. Мы в состоянии выдерживать конкуренцию только за счет демпинговых цен. То есть мы порти́м коммерцию, что не может не раздражать конкурента»¹.

Указывалось на то, что к России все больше предъявлялись требования и ограничения, которые не сопровождались принятием мер, способствовавших улучшению ее позиций и возможностей в мировой торговле и торговле с отдельными странами. Тогдашний заместитель министра внешнеэкономических связей С.Ю. Глазьев отмечал, что «полномасштабное присоединение России к режиму контроля за нераспространением ракетных технологий, согласно логике партнерства, должно было бы сопровождаться как минимум снятием санкций и барьеров, которые действовали против российских экспортеров наукоемкой продукции». Он заявил, что Россия была поставлена в условия, когда «она оказалась под двойным контролем и по каждому вопросу экспорта космической техники была вынуждена испрашивать разрешения американцев»².

Приходилось признать, что Соединенные Штаты, заостря внимание на российской торговле оружием, преследовали собственные меркантильные интересы — они продолжали поставлять оружие Израилю, Саудовской Аравии и другим государствам Азии на сумму около 10 млрд. долл. США демонстрировали двойной стандарт, который будет характерен для американской политики и в последующие годы³.

В российских либеральных кругах, хотя и воздерживались от излишней драматизации случаев с поставками технологий и оружия в Индию и Иран, но было очевидно, что ни исчезновение идеологических противоречий, ни даже наличие взаимных симпатий не означали исчезновение проблем во внешней политике Москвы и Вашингтона — и российская либеральная мысль вынуждена была принять эту неприятную истину. Высказывалось мнение, что в 1992 году внешнеполитическое сообщество России не смогло сформулировать четкой позиции по основным направ-

---

¹ Известия. — 1992, 14 мая.

² Российский вестник. — № 8. — 1992, 6 мая.

³ Известия. — 1992, 30 сентября.

лениям российской внешней политики, и случаи в экономической сфере с полной очевидностью это продемонстрировали¹.

В позициях либеральных политиков и ученых после 1991 года можно было усмотреть противоречие: с одной стороны, они заявляли о сужении интересов России, об утрате сверхдержавного статуса, но с другой стороны, они не готовы были расстаться со старыми атрибутами, которыми обладал Советский Союз, с правом принимать решения, ни у кого не спрашивая совета. Оставалась уверенность в том, что как правопреемница СССР Россия сохранит высокий международный статус, будет разговаривать с Соединенными Штатами с равных позиций. Уход с поста госсекретаря РФ Г.Э. Бурбулиса, после чего руководство внешнеполитической деятельностью перешло полностью к министру иностранных дел А.В. Козыреву, завершил очень недолгий этап во внешней политике России, когда она еще пыталась «проявить прежний характер». Начался этап в российской внешней политике, который привел, по оценкам ряда российских экспертов, к утрате Россией ее великодержавного статуса.

А.В. Козырев считал, что партнерству с США нет альтернативы и отказ от него означал бы, скорее всего, потерю исторического шанса на решение двуединой задачи: формирование открытого миру демократического российского государства и превращение неустойчивого постконфронтационного мира в стабильный и демократический. Без равноправного партнерства и сотрудничества путь к достижению этих целей виделся более долгим и болезненным и для России, и для окружающего мира.

В то время, как российские либералы не оставляли надежд на признание «особого статуса» России в отношениях с США, на существенную помощь Запада, на укрепление СНГ и влияния в нем Российской Федерации, представители народно-патриотической оппозиции развернули активную кампанию критики в адрес российского руководства и МИД РФ, лично А.В. Козырева.

Дискуссии, развернувшиеся в 1992 году на страницах газеты «День», продемонстрировали полное неприятие консерваторами политики, направленной на сближение с Западом. Сторонники теории противостояния «островных» и «континентальных» государств считали, что Россия должна в своем развитии идти само-

---

¹ Шаклеина Т.А., Батюк В.И. Указ. соч. — С. 26-29.

бытным путем. Отмечалось, что США, объявив зонами своих жизненно важных интересов бывшие советские республики и регионы России, фактически перестали считать необходимым скрывать свои истинные планы и интересы, признали свою причастность к тому, что произошло в СССР.

Консерваторы обвиняли правительство России в «предательстве интересов страны», заявляя следующее: «Под видом приобщения к некоей мифической цивилизации демократы проводят политику, в основе которой не интересы страны, а интересы МВФ, правительства США. В области внешней политики — потеря независимости, самостоятельности, подчинение ее интересам США, слепое следование в фарватере американского агрессивного курса. В рамках этого курса ведется одностороннее разоружение, последовательная сдача позиций великой державы, стремление удовлетворить любые территориальные притязания»¹. Они были убеждены, что создавшееся положение можно было исправить, заняв более жесткую позицию по отношению к США, стремившихся установить мировое господство и превращавшихся в «мирового жандарма», положив конец уступкам и проводя политику, ориентированную на исконные исторические интересы Российского государства. Высказывалась мысль о том, что России следует обратиться к своим традиционным союзникам в Азии и на Ближнем Востоке, к Германии и Югославии в Европе.

Представители консервативной оппозиции приходили к неутешительному выводу: Россия в отношениях с США выступает с «позиции слабости», при этом Вашингтон стремится лишить Москву возможности проводить самостоятельную политику и может применить против России санкции в том случае, если она попытается уйти из-под влияния Запада. Отмечалось, что демонстрируемая Россией в международных отношениях «уступчивость и покладистость воспринимались Западом как признак слабости», а попытки России «умиротворить противника только приближали открытое столкновение позиций», и стране, пытавшейся удовлетворить всех своих оппонентов, придется принимать вызов на более неблагоприятных условиях².

---

¹ Советская Россия. — 1992, 18 августа.

² Ленденев Д. Декорации к демократии // Москва. — 1993. — № 4. — С. 124-128.

Из разгоревшихся дискуссий было видно, что выбор стратегии волновал как консервативных, так и либеральных политиков и экспертов, однако интерпретация и оценка сложившейся ситуации и действий России отличались по форме и содержанию. Либералы воздерживались от резкой критики правительства и внешнеполитического ведомства страны, все еще сохраняя надежды на реальное признание со стороны Запада высокого международного статуса России и подкрепления этого признания конкретными действиями — установлением равноправного партнерства с США и ведущими странами Запада в решении международных проблем.

Оценивая внешнюю политику России в 1992 — первой половине 1993 года, политологи либеральной ориентации указывали на то, что российское руководство стремилось обеспечить благоприятные условия для проведения внутренних реформ, покончить с наследием холодной войны и быстро присоединиться к цивилизованному миру, под которым понималось западное общество. Большая часть либеральной внешнеполитической элиты в 1991—1992 гг. была убеждена, что благоприятное развитие отношений с Западом, прежде всего с США, будет способствовать высвобождению внутренних ресурсов для завершения рыночных реформ, и России будет предоставлена широкомасштабная экономическая и финансовая помощь.

Америка — лидер Запада рассматривалась в качестве «естественного союзника» новой реформированной России, и поначалу казалось, что США готовы поддержать такой подход: были подписаны Кэмп-Дэвидская декларация в феврале 1992 года, Хартия российско-американского партнерства и дружбы в июне 1992 года, Ванкуверская декларация в апреле 1993 года, провозгласившие стратегическое партнерство США и России.

Как позднее напишет об этом периоде С.М. Рогов, российский МИД и министр иностранных дел А.В. Козырев рассчитывали на то, что, если по всем вопросам, где Советский Союз противостоял Соединенным Штатам, посткоммунистическая Россия диаметрально поменяет свой подход, то США в свою очередь приложат все силы, чтобы обеспечить максимально безболезненную и быструю интеграцию Российской Федерации в западное сообщество. Предполагалось, что проамериканская ориентация принесет немедленные плоды и Москва и Вашингтон установят военно-стратегическое партнерство; Россия будет принята в качестве полноправного уча-

стника в «семерку», НАТО, другие ключевые западные институты; США во главе развитых стран предоставят России крупномасштабную экономическую помощь — новый «план Маршалла»¹.

С.М. Рогов придерживался мнения, что в многополярном мире Россия может стать одной из великих держав, но вряд ли окажется сверхдержавой, ее политика будет определяться не идеологическими догмами, а интересами национальной безопасности. Он предлагал, не отказываясь от взаимодействия с Западом, пересмотреть расстановку внешнеполитических приоритетов, распределил их по трем уровням:

1. Приоритетное значение имеют отношения России с бывшими советскими республиками, она должна стремиться к установлению дружеских, желательных союзнических отношений с ними, избегать опасности быть втянутой в территориальные или национальные конфликты на постсоветском пространстве.

2. Второй круг интересов связан с Восточной Европой, Ближним Востоком и Дальним Востоком. Разрыв связей со странами этих регионов чреват для России геополитической изоляцией. Многие бывшие советские республики могут оказаться под влиянием глобальных и региональных центров силы, таких как Германия, Китай, Турция, Иран.

3. Третий круг — отношения с Западом, прежде всего с США и странами Западной Европы. Россия заинтересована в участии в европейской или североатлантической интеграции, в установлении партнерских отношений с такими центрами силы, как США, Западная Европа, Китай и Япония. Эта позиция не предусматривает одностороннего разоружения. Наоборот, две крупнейшие военные машины — НАТО и Россия могут наладить сотрудничество, которое позволит реально обеспечить создание общеевропейской системы безопасности, мир и стабильность на всем пространстве от Ванкувера до Владивостока².

Необходимость выстраивания отношений с постсоветскими государствами на новой основе и важность этих отношений в геополитической ситуации начала 1990-х годов получила отражение в Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации, разработанных в конце 1992 года и утвержденных пре-

---

¹ Рогов С.М. Российско-американские отношения на рубеже веков. — М., 1996. — С. 12, 15.

² Рогов С.М. Россия и США в многополярном мире. — С. 8-9.

зидентом Б.Н. Ельциным 23 апреля 1993 года. В документе было записано, что одна из задач внешней политики — создание условий для включения России в мировое сообщество в качестве великой державы, имеющей многовековую историю, уникальное геополитическое положение, достаточную военную мощь, значительный технологический, интеллектуальный и этический потенциал.

Приоритеты были распределены следующим образом: страны СНГ; контроль над вооружениями и международная безопасность; содействие экономическим реформам в стране; Соединенные Штаты. В отношении США было записано следующее: обеспечить содействие американцев экономическим преобразованиям в России, подталкивать американцев к активной поддержке на международных переговорах по внешнему долгу СССР, добиваться снятия дискриминационных ограничений, добиваться четкой готовности американского руководства к поддержке участия России в Группе семи. В сфере безопасности главные черты нового двустороннего партнерства виделись в переходе к сотрудничеству на уровнях военного планирования и военного строительства. В политической сфере выход на партнерские отношения предполагал уважение со стороны США специфических интересов России и признание ведущей роли России как локомотива рыночных реформ и гаранта демократических преобразований на пространстве бывшего СССР¹.

Несмотря на то, что на государственном и экспертном уровнях было заявлено о переориентации внешней политики России, в течение длительного времени концепция оставалась декларативным документом. Так, хотя отношения со странами СНГ стояли на первом месте, основная ориентация на взаимодействие с США сохранялась. Существовали сложности в отношениях с отдельными государствами СНГ. Российское руководство в 1992—1993 гг. не было по-настоящему озабочено тем, как будут строиться отношения с бывшими республиками СССР. Представляется, что с одной стороны, имели место настроения ограниченного изоляционизма — стремление сосредоточить усилия на реформировании России, с другой стороны, сохранялось мнение, что у бывших советских республик была гораздо большая заинтересованность в сотрудничестве.

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. — 1993. — № 1-2. Спецвыпуск. — С. 3-23.

ве с Россией, нежели у нее самой, поэтому последней можно лишь регулировать и направлять действия соседних государств.

В 1992–1993 гг. либеральные и консервативные критики внешней политики российского руководства были единодушны в том, что международная деятельность России должна основываться на реалистической оценке мировой ситуации, возможностей страны, должны быть определены национальные интересы, разработан дифференцированный подход к отношениям со странами Запада, Азии, Ближнего Востока, бывшими советскими республиками.

Представители консервативной оппозиции занимали слишком непримиримую и не всегда сбалансированную позицию, что не позволило им представить какую-либо четкую внешнеполитическую программу. Значительная часть либеральной элиты, сохранявшая сплоченность на базе идей реформирования России после окончания советской эпохи, создания предпосылок для необратимости преобразований, рассматривала внешнеполитическую сферу как более надежную и не требовавшую дополнительных усилий, сохранялись надежды на возможность использования позитивных достижений советской внешней политики времен перестройки. Размежевание среди либералов, в том числе по вопросам внешнеполитической стратегии, только намечалось и оформилось в 1994 году, чему в немалой степени способствовала политика США. Многие российские демократы заняли открытую критическую позицию по отношению к политике правительства, МИД РФ и А.В. Козырева.

«Неоимпериализм» или возвращение к традиционализму?

Политика России во второй половине 1993–1994 гг. была охарактеризована западными и отдельными российскими политологами как возрождение «неоимперских» тенденций.

Любая активизация деятельности России на постсоветском пространстве не устраивала США, которые с 1992 года проводили политику, направленную на увеличение разрыва между Россией и ее соседями. Российские лидеры, не желавшие портить отношения с Западом, пытались заручиться поддержкой действий России в странах СНГ со стороны США и ведущих западных государств. Так, в докладе «Стратегия для России», подготовленном общественным Советом по внешней и оборонной политике

летом 1992 года, отмечалось, что только Россия может выступить гарантом стабильности на постсоветском пространстве, В документе откровенно говорилось о том, что России должна быть оказана активная международная поддержка для выполнения роли миротворца¹.

В феврале 1993 года президент Б.Н. Ельцин заявил о том, что жизненно важными интересами России остается прекращение всех вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР. Он указал на то, что мировое сообщество все более осознает особую ответственность России в этом трудном вопросе, наступило время, когда международные организации, включая ООН, должны предоставить России особые полномочия «гаранта мира и стабильности» в регионе.

Министр иностранных дел А.В. Козырев обратился к ООН и СБСЕ с предложением предоставить России специальные права и полномочия миротворца в странах ближнего зарубежья. В январе 1994 года в выступлении перед послами стран СНГ и Балтии он сделал специальный акцент на необходимости сохранить присутствие российских вооруженных сил на территории бывшего СССР. Министр заявлял, что в случае вывода российских войск образующийся вакуум силы будет немедленно заполнен другими державами, чьи интересы не всегда совпадают с российскими и во многих случаях им противоречат².

Отдельные российские внешнеполитические эксперты, в стремлении сохранить партнерские отношения между Россией и Западом на неконфронтационной основе, предлагали разработать «кооперативную» стратегию России и Запада по отношению к странам бывшего СССР. К такой точке зрения склонялся политолог А.В. Загорский, указывавший на то, что у России и Запада не было на тот момент ответа на вопрос о том, как предотвратить новый, еще более мощный взрыв нестабильности на постсоветском пространстве. В качестве одного из первых шагов он предлагал принять совместное заявление «семерки» и России, в котором отражались бы как основные «правила игры» в новых независи-

---

¹ Независимая газета. — 1992, 19 августа.

² Независимая газета. — 1994, 19 января.

мых государствах, так и механизмы согласования политики России и Запада в отношениях с ними¹.

Многие российские американисты высказывали сомнения относительно возможности достижения соглашения между Россией и Западом о российской политике в бывших советских республиках. По мнению авторитетного специалиста по международным отношениям А.В. Картунова, Запад не торопился взять на себя дополнительную ответственность за ситуацию в бывшем СССР, не хотел ограничивать возможности участия новых независимых государств в международных структурах безопасности, т.е. не поддерживал политику, направленную, как считали на Западе, на «финляндизацию» постсоветских стран. США, движимые вполне конкретными геополитическими интересами, не стремились создать более благоприятные условия для проведения российской политики, хотя в тот момент они избрали позицию невмешательства в действия России на постсоветском пространстве и поддержали ее претензии на «особый» статус². Политолог, упрекая руководство МИД в отсутствии своей линии поведения на мировой арене, заявлял следующее: «Складывается впечатление, что в Кремле и в российском МИДе рассчитывают не просто на понимание, но и на активную поддержку со стороны Белого дома. Логика здесь простая: сохраняя мир и стабильность на просторах Евразии, Россия действует не только в своих интересах, но и в интересах всего цивилизованного мира. Она превратилась в важнейший форпост Запада, отражающий волны религиозного фундаментализма, национализма и политического экстремизма, поднимающегося на Кавказе, в Центральной Азии и других регионах бывшего СССР. Следовательно, Запад обязан не только одобрить действия Москвы, но и всячески содействовать им, включая и финансовую помощь. Однако приходится констатировать, что должного понимания и тем более содействия в этом плане Россия со стороны США и других ведущих западных стран пока не встречает»³.

---

¹ Загорский А.В. Россия – СНГ и Запад //Международная жизнь. – 1994. – № 10. – С. 78-86.

² Картунов А.В. США – Россия. К более зрелой фазе отношений //Международная жизнь. – 1994. – № 11. – С. 53-54.

³ Там же. – С. 52-53.

Действия России в Закавказье вызвали неоднозначную реакцию в США. Американские консервативные политики и внешнеполитические эксперты усмотрели в активных действиях по урегулированию конфликтов в Грузии и Таджикистане стремление возродить империю, воспользовавшись кризисом и нестабильностью в этих регионах. В докладе, подготовленном специалистами из Гарвардского университета, отмечалось, что геополитические цели России в ближнем зарубежье остались неизменными — Россия стремится воссоздать экономический и военный союз по советскому образцу, в котором она претендует на доминирование¹. Выводом стало заявление о том, что Россия становилась источником угрозы и приводились следующие аргументы:

— российские войска остаются в большинстве бывших республик;

— заметно усиление влияния военных на принятие внешнеполитических решений;

— происходит рост интервенционистских тенденций под прикрытием миротворческой деятельности. Россия избрала тактику использования региональных конфликтов и этнических противоречий для дестабилизации соседних государств и восстановления власти Москвы;

— осуществляется экономическое давление на бывшие советские республики для достижения политических целей и усиления экономического влияния путем использования преимуществ, которые Россия имела в отдельных областях экономики;

— решительная оппозиция России расширению НАТО на восток за счет стран ЦВЕ, оценка этого шага как недружественного, представляющего угрозу для России.

Администрация Клинтона не была заинтересована в ухудшении отношений с Россией в период, когда основной задачей ее внешнеполитической деятельности было укрепление американского присутствия в Европе и в мире. Хотя признавалась слабость России, США продолжали рассматривать ее в качестве влиятельного участника международных процессов, особенно в сфере безопасно-

---

¹ Back in the USSR. Russia's Intervention in the Internal Affairs of the Former Soviet Republics and the Implications for the United States Policy toward Russia. Harvard University. John F. Kennedy School of Government. — January 1994. — P. 2-3.

сти, способного затормозить реализацию американских планов. В силу этого официальная позиция США по действиям России в ближнем зарубежье оставалась сбалансированной: администрация не делала официальных заявлений относительно позиции США по предоставлению «особых прав» России в ближнем зарубежье, но и не заняла непримиримую позицию по этому вопросу.

Для нейтрализации действий России в постсоветских государствах американские эксперты предложили проводить более активную политику в странах СНГ, отойти от ориентации только на Москву; настаивать на многостороннем характере миротворческих сил в зонах конфликтов в странах СНГ; дать гарантии Украине, что она будет надежно защищена от имперских посягательств России; активизировать работу комиссий СБСЕ, ООН по правам человека в зонах конфликтов в СНГ и т.д.

Не дождавшись достижения полного понимания со стороны США, руководство России начало претворять в жизнь положения Концепции внешней политики 1992 года, в которой было записано, что Россия будет стремиться сохранить влияние в Закавказье, которое останется сферой ее жизненно важных интересов. В феврале 1994 года президенты России и Грузии подписали 25 документов. Глава российской военной делегации в Тбилиси генерал-лейтенант А.А. Галкин заявил, что присутствие российских войск в регионе отвечает стратегическим интересам России и Грузии, является гарантией безопасности кавказского и северокавказского регионов. Генерал особо подчеркнул важность стабилизирующей роли российских войск в Грузии, которые не только должны были обеспечивать защиту русскоязычного населения, но также были призваны оказывать помощь Грузии в создании грузинской национальной армии.

США были недовольны результатами завершения грузино-абхазского конфликта: присоединением Грузии к СНГ (в декабре 1991 года республика не поставила подпись под Беловежскими соглашениями), подписанием Договора между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве и Соглашения о статусе и условиях функционирования пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Грузия, достигением договоренности о рос-

сийских военных базах в Грузии, что закрепляло военное присутствие России в Закавказье¹.

Хотя нельзя было говорить о полном урегулировании грузино-абхазского конфликта, приостановка военных действий, достижение определенных договоренностей между воюющими сторонами, закрепление военного присутствия России на Кавказе расценивались руководством России как победа российской дипломатии². Позитивная оценка давалась и действиям российских миротворческих сил в Таджикистане. Хотя конфликт имел длительный характер, усилия России в предотвращении разрастания этого конфликта за пределы Таджикистана, по сдерживанию вторжения со стороны Афганистана оценивались как успешные.

Возврат России к методам силовой дипломатии в 1993 – 1994 гг. при отсутствии общей линии поведения и стратегии на региональных направлениях, не принимался безоговорочно всеми представителями российского внешнеполитического сообщества. Роль силового фактора не отрицалась полностью, однако отмечалось, что любые действия России должны быть четко обоснованы интересами в конкретных регионах. Важность стран ближнего зарубежья в международной деятельности России не отрицалась, но наметились серьезные разногласия по вопросам о том, какие из постсоветских государств должны войти в сферу жизненно важных интересов России и каково должно быть соотношение между экономическими, политическими и военными методами при достижении поставленных целей.

Ряд либеральных критиков деятельности МИД РФ А.М. Мигранян, В.П. Лукин, К.Ф. Затулин выступили против проводившейся на Кавказе политики, так как считали, что военное присутствие в этом регионе таит потенциальные сложности для России, поставит ее в невыгодное положение, когда воюющие стороны будут манипулировать интересами России, возможны потери среди российских солдат, которые станут жертвами политических интересов руководителей Абхазии и Грузии, а помощь в создании грузинской армии лишь вызовет новый виток воору-

---

¹ Дипломатический вестник. – 1994. – № 5-6 (март). – С. 32-42.

² См. по этому вопросу: Шумихин А.Ю., Шумихин М.А. Этно-социальные конфликты: генезис и пути решения. – М., 1992; Дадиани Л.Я., Шумихин А.Ю. «Ливанизация» как модель этно-социальной конфликтности и положение в зоне Кавказа: сопоставительный анализ. – М., 1994.

женных столкновений. Указывалось, что Россия должна оставить себе больше свободы действий на Кавказе.

Другие политологи, например А.Г. Арбатов, высказывали убеждение в том, что Россия должна при любых условиях стремиться к сохранению своего присутствия на Кавказе — в Грузии и Армении, однако выступали против аналогичных действий в Центральной Азии — в Таджикистане, который они не считали зоной жизненно важных интересов России. Нежелательность вмешательства объяснялась тем, что в Таджикистане велась борьба кланов, которые могли в любой момент объединиться и выступить против России. Обращалось внимание на тот факт, что усилия России по созданию коллективных миротворческих сил СНГ не увенчались успехом.

В 1992—1993 гг. были подписаны Договор о коллективной безопасности (Армения, Казахстан, Киргизстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан), Соглашение о миротворческих силах (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан), Меморандум о сотрудничестве в охране внешних государственных границ (Россия, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан). Однако к 1994 году только Россия по-настоящему выполняла подписанные соглашения, численность миротворческих сил оставалась весьма малочисленной. Командующий объединенными миротворческими силами генерал В.А. Патрикеев отмечал, что коллективные силы в Таджикистане состояли из 201-й российской дивизии, моторизованного батальона Узбекистана, роты Киргизстана, а Казахстан был представлен батальоном, участвовавшим в охране таджико-афганской границы совместно с российскими войсками.

Одним из главных противоречий российской внешнеполитической деятельности в 1993—1994 гг. по-прежнему называлось несоответствие заявленных приоритетов и реальных действий. Отмечалось, что хотя основным приоритетом объявлялись страны СНГ, на практике таковым оставались отношения с США, а стратегия в отношении стран СНГ, как общая, так и для отдельных стран, не была до конца проработана. Это привело к стагнации в отношениях с Украиной, Беларусью, Молдовой, Арменией, Казахстаном и к втягиванию России в затяжные конфликты в Грузии и Таджикистане.

Если в 1992—1993 гг. тон в критике МИД РФ задавали представители консервативной оппозиции, то в 1994 году инициативу

перехватили либералы. В их среде происходило размежевание, начались дискуссии между сторонниками сохранения американоцентричного курса и их оппонентов. Последние критиковали внешнюю политику России по двум направлениям: 1) за отсутствие четко сформулированной стратегии, 2) за необоснованную ориентацию на США и Запад при определении задач российской внешней политики и путей их осуществления.

В 1994 году А.Г. Арбатов (в то время депутат Госдумы) отмечал следующее: «Вместо реалистического и тщательного пересмотра отношений с Западом главный акцент делался на получении экономической помощи и кредитов. Внешняя политика и стратегия безопасности были в основном подчинены этой цели, что породило длинный ряд односторонних уступок по различным внешнеполитическим и оборонным проблемам в 1992 – 1993 годах»¹.

Отдельные политологи обращали внимание на тот факт, что причиной отсутствия правильного анализа новых международных условий и геополитических приоритетов России была не только ставка на партнерство с США и Западом, но и объективные трудности в деятельности нового российского государства.

Н.А. Косолапов отмечал, что «объективно перестройка – это дестабилизация всей советской системы как внутри страны, так и во внешних ее делах, контроль и управление которой оказались нелегким делом для советских и российских лидеров». Ученый высказал мысль о том, что трудности в формулировании новой стратегии испытывали не только российские лидеры и эксперты, но и американские. Он критически оценивал заявления о том, что на протяжении 1980-х годов Запад «намеренно и активно вел дело к развалу Советского Союза». Более приемлемым, по мнению Н.А. Косолапова, представлялось иное объяснение: США и Запад реагировали на происходившие события, стараясь по возможности максимизировать текущие политические и практические выгоды для себя, при любом повороте дел сохранить для себя максимально большее число реально открытых, доступных альтернатив. Историк не отрицал, что Запад предпринял определенные действия, направленные на то, чтобы «нанести поражение коммунистической системе изнутри ее собственными руками, создав для этого вовне такую политическую и пси-

---

¹ Арбатов А.Г. Россия: национальная безопасность в 90-е годы // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 7. – С. 5-15.

холологическую атмосферу, которая бы максимально способствовала погружению советской политической элиты, а с ней и советского общества в целом в собственный внутренний конфликт». Н.А. Косолапов считал, что не следовало излишне драматизировать роль Запада, но не следовало и полагаться на то, что американские и западные стратеги изменили своему традиционному прагматизму. По мнению историка, ожидания российских либералов на поддержку их действий были изначально ошибочными¹.

Обращалось внимание на тот факт, что наличие объективных причин для неудач российской внешней политики дополнялось и субъективным фактором – отсутствием профессионализма новых внешнеполитических деятелей, отказом от экспертизы академических институтов, которые занимались изучением и анализом международных отношений.

Специальное исследование, проведенное в июне-июле 1993 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) при содействии Фонда Фридриха Эберта (Германия) и германской исследовательской организации СИНУС, показало, что внешнеполитическая деятельность России не получила положительной оценки. Большинство опрошенных из числа руководителей и экспертов, принимавших участие в подготовке внешнеполитических решений, – 69% более высоко оценили компетентность и профессионализм старой элиты по сравнению с новой и лишь 8% отдали предпочтение новой внешнеполитической элите. Никто не выставил положительного балла по профессионализму руководителям МИД РФ и Министерства внешней торговли, а также лидерам ведущих политических партий².

Академик Г.А. Арбатов справедливо отмечал, что в течение какого-то периода после окончания холодной войны многие российские официальные лица были довольно наивны и мало подготовлены к внешнеполитической деятельности. По его мнению, эйфория, охватившая российских лидеров, и их профессиональная неопытность и некомпетентность были главными причинами того, что они соглашались почти с любым предложением, выдвинутым Западом: «Знаменитые раньше тем, что они всегда говорили «нет»,

---

¹ Косолапов Н.А. Новая Россия и стратегия Запада // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 1. – С. 5-18.

² Попов Н.П. Внешняя политика России (Анализ политиков и экспертов) // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 3. – С. 52-59.

наши дипломаты вдруг стали людьми, которые вопреки привычным представлениям начали твердить «да». Во всяком случае, при общении со своими коллегами с Запада, которые, естественно, приветствовали эту перемену, но не поняли с достаточной ясностью, что наше согласие не может рассматриваться как нормальная и постоянная политическая позиция. Когда Россия, наконец, обрела свой голос, результатом стало разочарование на Западе»¹.

А.В. Козырев сохранял приверженность идее партнерства с Западом, обосновывал его жизненную необходимость не только для России, но и для США, рассматривая их в качестве двух движущих сил мирового развития. Министр делал акцент на наличии у России и США общих демократических убеждений и в духе западного либерального морализма (не свойственного большей части российской политической элиты и обществу) заявлял, что долгосрочные национально-государственные интересы США и России как демократических держав не только не сталкиваются, но взаимодополняют друг друга в подавляющем большинстве международных вопросов².

О совпадении российских и американских интересов можно было говорить лишь гипотетически, так как американская сторона не делала подобных заявлений и, напротив, уже занималась разработкой глобальной стратегии мирового лидерства и концепции трансатлантической безопасности с опорой на НАТО без России, но с ее западными соседями. Не мог не знать А.В. Козырев и истинных намерений и планов США, а также того, что Россия не в состоянии выполнять равную с американской роль в регулировании международных отношений.

Заявка на равноправное партнерство со сверхдержавой в условиях, когда Россия катастрофически уступала США и другим ведущим державам в экономике, не добилась успеха в налаживании выгодных для нее отношений с соседними державами (КНР, Япония, Индия, Иран), продолжала утрачивать влияние в постсоветских государствах, в международных организациях (ООН), все более «увязала» в иностранных кредитах, пользовалась американ-

---

¹ Арбатов Г.А. Российско-американские отношения: проблемы и задачи //США — экономика, политика, идеология. — 1994. — № 12. — С. 11-12.

² Козырев А.В. Стратегия партнерства //Международная жизнь. — 1994. — № 5. — С. 7, 31.

ской финансовой помощью для утилизации своего устаревшего ядерного оружия и охраны ядерных объектов (программа Нанна-Лугара) и т.д., вызывала удивление и недоумение в США. Для решения проблем, стоявших перед страной, требовалась менее общая и более конкретная концепция по обеспечению национальных интересов России, в числе которых отношения с Соединенными Штатами были важными, но не ключевыми.

В 2000 году новый министр иностранных дел РФ И.С. Иванов, подводя итог десятилетним усилиям МИД России, писал, что внешнеполитическая деятельность Российского государства изначально стала осуществляться в качественно новой правовой и общественно-политической среде, основными чертами которой были:

- радикальное изменение механизмов формирования внешней политики в результате демократизации политической и общественной жизни; все более активное воздействие на этот процесс парламента, средств массовой информации и общественного мнения;

- ослабление координационного начала в развитии международных связей, диапазон которых существенно расширился благодаря открытости общества по отношению к внешнему миру;

- быстрый и поначалу неупорядоченный выход российских регионов и субъектов Федерации на прямые связи с сопредельными регионами и на уровень местных органов власти зарубежных государств;

- резкий переход к информационной открытости внешней политики при полном разрушении аппарата советской внешнеполитической пропаганды и других государственных механизмов формирования образа страны за рубежом;

- перевод на негосударственные рельсы развития целых направлений международных связей, ранее находившихся под жестким контролем государства: торговля, инвестиционные связи, наука, культура и т.д.

И.С. Иванов определил начальный этап формирования российской внешней политики как отражение бурного и во многом стихийного процесса становления демократии и рыночной экономики в стране со всеми его противоречиями и издержками. Распад советской политической системы произошел столь внезапно и стремительно, что ни государственное руководство, ни российское общество не имели в тот момент полного представления о даль-

нейших путях развития страны, в том числе, о ее внешнеполитических приоритетах. Отношение к Западу в качестве определенной модели социально-экономического и политического развития вновь, как и в середине XIX века, стало в России своего рода знаком определенной идеологической ориентации, символом либо воинствующего неприятия западной цивилизации, либо столь же страстного желания как можно скорее интегрироваться в нее, нередко ценой существенных политических и экономических уступок¹.

В противовес позиции МИД РФ, которую представлял А.В. Козырев, достаточно рано начали высказываться более трезвые оценки возможности равноправного российско-американского партнерства. Г.А. Арбатов предупреждал, что не следует обольщаться перспективой «безоблачного» партнерства с США и Западом: «Россия остается великой державой, имеющей свои законные национальные интересы. Хотя с окончанием холодной войны у нас едва ли были какие-либо антагонистические противоречия с США и другими западными странами и наши лидеры все больше говорят о необходимости сотрудничества (что в принципе правильно), наши интересы не всегда будут совпадать. И эта реальность не должна вызывать недовольства. Различия в интересах, даже объективные противоречия, — это естественная часть отношений между странами. Даже теми, которые связаны отношениями длительного дружественного сотрудничества»².

Все большее распространение получала идея о том, что и нагнетание излишнего драматизма, и безграничный оптимизм относительно равноправного партнерства с США требуют корректив. Об этом еще в 1992 году писали авторы доклада «После империи», утверждавшие, что после распада СССР Россия не лишается автоматически своей первостепенной международной роли, выражающейся: 1) в стабилизирующей способности, которой она обладает в масштабе Евразии (в первую очередь, на территории бывшего СССР) и, следовательно, в глобальном; 2) в соединяющей, интегрирующей функции по отношению к объединяющейся и благосостоятельной Европе и остающейся бедной и разъединенной Азии; 3) в способности частично амортизировать,

---

¹ Иванов И.С. Внешняя политика России и мир. — М., 2000. — С. 8.

² Арбатов Г.А. Российско-американские отношения: проблемы и задачи. — С. 11.

гасить негативные импульсы по обе стороны лежащего через Россию «евразийского моста», которые неизбежны в процессе бурных глобальных трансформаций. Эксперты указали на то, что в мировой политике эти функции, хотя и под совершенно иными лозунгами, объективно выполнял СССР — опять-таки прежде всего благодаря геополитическим возможностям России¹.

В декабре 1994 года в «Независимой газете» была опубликована статья близкого к правительственным кругам политолога А.М. Миграняна, в которой автор охарактеризовал сущность внешней политики России как «суету, импровизацию, некомпетентность и шараханье из стороны в сторону»². Статья была написана в тот момент, когда расширение НАТО стало реальностью и были похоронены планы о равноправном российско-американском стратегическом партнерстве. Помимо расширения НАТО А.М. Мигранян назвал и другие «провалы» политики российского МИД:

— отношения с Ираком: Россия поддержала в 1993 году бомбардировки Багдада, не добилась снятия с Ирака экономических санкций и лишила Россию возможности вернуть иракские долги, не получив обещанных США торгово-экономических льгот;

— позиция по Боснии: российский представитель голосовал в Совете Безопасности за предоставление мандата ООН Генеральному секретарю на использование сил НАТО в Боснии, однако после начала бомбардировок сербов МИД РФ высказал протест, заявив, что российская сторона голосовала за иной мандат и ожидала еще одного обсуждения и голосования по Боснии;

— позиция по урегулированию конфликтов: после бомбардировок Боснии российский представитель проголосовал в СБ ООН за расширение зоны действия НАТО в Сербской Краине и в Хорватии, т.е. фактически Россия способствовала превращению НАТО в инструмент военной политики ООН, что противоречило позиции России относительно усиления роли СБСЕ;

— политика в СНГ: отсутствие четкой позиции по вопросу об интеграции Беларуси и России, провал украинской политики.

Политолог делал вывод, который совпадал с оценками других критиков МИД РФ: из-за американоцентричной политики Россия

---

¹ Богатуров А.Д., Кожокин М.М., Плешаков К.В. После империи: демократизм и державность во внешней политике России. — М., 1992. — С. 13.

² Мигранян А.М. Внешняя политика России: катастрофические итоги трех лет // Независимая газета. — 1994, 10 декабря.

«выдавливается» из Европы, не может поддерживать на прежнем уровне отношения с традиционными партнерами в Азии, Африке, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Наградой за разрушение тоталитарной советской империи для России стало не возвращение в семью цивилизованных народов в качестве уважаемого и равноправного партнера, а резкое ослабление влияния и изоляция.

Весьма критическую позицию в оценках внешней политики России традиционно заняли представители консервативной оппозиции. Лидер российских коммунистов, депутат Госдумы Г.А. Зюганов так оценивал положение России в 1994 году: «Глубокий системный кризис, в котором оказалась Россия — оболганная русоненавистниками, ограбленная оборотистыми дельцами, расчлененная нелепыми границами, — требует вдумчивого и серьезного анализа «американского фактора». Мы должны в минимальные сроки освоиться в новой, зачастую враждебной нам действительности, выработать стратегию и тактику поведения, определить главные ориентиры процесса возрождения Великой Державы»¹.

Отмечалось, что усилия Запада по включению постсоветского пространства в цивилизованное сообщество государств, разрекламированное российскими демократами после развала СССР, имели на деле своей конечной целью максимальное увеличение иностранного влияния на российскую политику. Выделялись два подхода в отношении Запада к современной России. Один из них основывался на том, что существование стабильной и прочной России, при всей ее неудобности для Запада, все же есть меньшее зло, чем непредсказуемые последствия упадка и распада российского государства. Согласно другому подходу, существование России в виде единого и сильного государства не устраивает сообщество цивилизованных государств. Предпочтительнее вариант демонтажа государства, включения ее частей в зоны влияния развитых стран в качестве поставщика сырья и дешевой рабочей силы².

Мнения представителей народно-патриотической оппозиции не оказали решающего влияния на формирование внешнеполитической стратегии, хотя совсем не придавать ей значения, наверное,

---

¹ Зюганов Г.А. Империя США: двести лет «американской мечты». — С. 105.

² Душенов К. Основные тенденции общественно-политической жизни современной России (анализ и прогноз) // Наш современник. — 1994. — № 7. — С. 127-138.

нельзя. Главным недостатком такой критики было сохранение крайних негативных и не всегда обоснованных оценок, отсутствие конструктивных предложений, «подталкивание» России к конфронтационной позиции, которая была неприемлема ни при каких условиях.

К концу 1994 года число сторонников более взвешенного подхода к формулированию внешнеполитических приоритетов России, соотнесения их с национальными интересами в новых международных условиях заметно увеличилось. Среди либералов нарастало недовольство как действиями западных стран во главе с США, так и российской политикой, отсутствием у российского руководства четкой стратегии поведения России в мире, где ее статус продолжал снижаться, и она все более отодвигалась от большой мировой политики. В это время отдельные либеральные политологи отмечали, что Россия оказалась в ситуации, когда у нее не было врагов, но и не осталось союзников, появилась перспектива остаться в изоляции¹.

Пришлось признать также то, что настороженность в отношении России сохранялась среди значительной части американской политической и академической элиты. Усилия российских либералов времен перестройки создать образ «хорошей России», которая ради благожелательного отношения к ней со стороны Запада готова порвать с историей и традициями, не увенчались успехом. Одним из основных негативных эффектов их усилий было то, что в США появились ложные ожидания изменения существа России, быстрого (радикального) преобразования общества по срокам и модели, установленным США. После активизации российской политики и возникновения разногласий по ряду вопросов двусторонних отношений эти ложные ожидания сменились резкой критикой и требованием ужесточить действия в отношении России (о чем мы уже говорили в предыдущих главах).

Внешнеполитические дискуссии отразили противоречия, существовавшие в российском политико-академическом сообществе, трудности «ломки» существовавших подходов и расставания с иллюзиями. Осознание реальностей новой российской идентичности показало, что основные перемены в мире впереди и Россия должна найти свое место в новом мировом порядке, которое позволит ей сохраниться в качестве влиятельного центра силы. Центризм принял характер широкого внешнеполитического направления.

---

¹ Богомолов О.Т. Россия и Восточная Европа. — С. 27.

Раздел 10. Политика «национального интереса» и отношения с США

Формирование новой внешнеполитической стратегии России

Выработка стратегии международной деятельности России проходила в острых дебатах в политико-академическом сообществе, критика деятельности МИД РФ сочеталась с конкретными предложениями. Одной из причин сложившейся ситуации была незрелость плюрализма российского общества, выражавшаяся в мозаично множественном политическом расколе, когда ни одно из политических течений не пользовалось устойчивой поддержкой большинства в стране. Справедливо отмечалось, что российская элита не обнаружила способности выработать консенсус даже на уровне основополагающих для каждой нации понятий «Кто мы?», «Где наши?», «Что вокруг нас?» В сложной внутривнутриполитической ситуации президент, стремившийся выступить объединяющей силой, старался не связывать себя с каким-то одним из течений и лавировал между несколькими главными. В сложившихся условиях властный слой не смог сформулировать официальную государственную философию новой России, которая могла бы стать основой постсоветской идентичности Федерации¹.

Обращалось внимание и на тот факт, что в отечественной научной литературе понятие «стратегия» употреблялось в основном применительно к военной сфере. В 1990-е годы оно широко использовалось в ходе внешнеполитических дискуссий, и под стратегией, как правило, понимались общие цели и задачи внешнеполитического курса, исходя из национальных интересов государства, порядок их достижения и средства и методы их выполнения. Более детально это понятие было сформулировано следующим образом: «Стратегия в политике – это система крупномасштабных решений и намеченных направлений деятельности, последовательная реализация которых призвана достичь более или менее удовлетворительным образом основных целей, которые ставят перед собой на исторически определенный срок госу-

---

¹ Богатуров А.Д., Давыдов Ю.П., Трофименко Г.А. Российско-американские отношения: испытание выбором //США – экономика, политика, идеология. – 1995. – № 10. – С. 46-47.

дарственные институты, партии, общественно-политические организации и другие организованные субъекты политики. Стратегия отличается продуманной концепцией соотношения в пространстве и во времени сил и средств, которыми располагает государство или иной организованный субъект политики, позволяющей достаточно свободно маневрировать ими; определением ключевых этапов в достижении основных целей; осознанием специфики каждого этапа, его преимуществ и недостатков»¹.

Выработка стратегии дело нелегкое, особенно когда это сопровождается разрушением устоявшихся институтов, теорий, подходов, механизмов. Так сложилось, что в первые годы деятельности Российской Федерации внешняя политика не опиралась ни на систематическое сотрудничество с парламентом, ни на какую-либо солидную базу среди избирателей, политических партий и общественных организаций, в прессе. Деятельность министерства иностранных дел характеризовалась беспорядочностью и многочисленными промахами, полностью отсутствовал интерес к независимому анализу важнейших политических проблем, связи с академическим сообществом сошли на нет. В стране не были созданы новые механизмы согласования интересов различных групп и подходов, не начался процесс консолидации разумно сбалансированной структуры государственных и частных аналитических центров и институтов, способных своевременно и профессионально формулировать альтернативные варианты национально-государственной политики и представлять их в политикоформирующие органы.

Как отмечалось выше, основная перегруппировка политических сил в стране происходила в течение 1994 года. Более активно заявила о себе прагматически мыслящая часть российской элиты, которая выступала за национально ориентированную политику — политику «национального интереса». Политолог А.К. Пушков, подчеркивая важность обращения к теории реальной политики, отмечал, что Москва в 1988—1992 гг. «отвергла логику геополитики», хотя Запад продолжал строить свою политику в соответствии с ее законами. По его мнению, пренебрежение к геополитике привело к краху курса Козырева, который «означал подыгрывание

---

¹ См.: Политология. Энциклопедический словарь /Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. — М., 1993. — С. 367; Политическая энциклопедия /Пред. науч.-ред. совета Г.Ю. Семьгин. — М., 1999. — Т. 2. — С. 471-472.

стремлению США максимально укрепить свое геополитическое положение за счет слабеющего влияния Москвы»¹.

Другой политолог, К.В. Плешаков, обращал внимание на то, что произошло смешение двух близких, но в сущности, совершенно не тождественных понятий – политико-ценностных ориентиров Российской Федерации (1) и баланса составляющих российского национального интереса (2). Критикуя политику 1992–1993 гг., он писал следующее: «На какое-то время ориентиры (идеи) заслонили геополитические интересы, оказавшись своего рода самоцелью. Тогда как речь должна была идти о поиске разумного баланса между либерально-плюралистическим выбором и той частью неизменных, геополитически заданных интересов страны, которые воплощают условия ее выживания и устойчивости в национально-государственном качестве»².

А.Д. Богатуров, конкретизируя геополитические приоритеты России, отмечал, что внешняя политика России не может быть ни европейско-центричной, ни азиатско-центричной, отчетливо проступает евро-азиатская природа российского национального интереса. Он высказал мнение, что закончился глобальный этап внешней политики России, начался новый – континентальный, определяемый «более ограниченными ресурсами страны и ее уменьшившейся способностью эти ресурсы эффективно использовать в условиях комплексного национального кризиса». Согласно точке зрения А.Д. Богатурова, «сжатие» сферы международной ответственности страны и изменение профиля ее приоритетов будет определять основные задачи внешней политики Российской Федерации, среди которых он выделил следующие:

1) обеспечение безопасности и территориальной целостности Российской Федерации;

2) расширение сферы взаимопонимания и сотрудничества России с международным сообществом в соблюдении международных норм и гарантий прав человека и национальных меньшинств в России, а также русских и иных, ассоциирующих себя с Россией национальных общин за российскими рубежами – в

---

¹ Пушков А.К. Внешняя политика России // Независимая газета. – 1995, 16 ноября.

² Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России. – С. 34.

первую очередь, в новых независимых государствах в постсоветском политическом пространстве;

3) содействие формированию благоприятных внешних условий для повышения эффективности внешнеэкономических связей России и защиты ее экономических интересов за рубежом;

4) сотрудничество с демократическими странами в закреплении результатов реформ в России;

5) подготовка условий для перехода к стратегическому партнерству с Западом в интересах мира и стабильности на Евразийском континенте.

Политолог особо отметил важность не только «рационального сжатия», но и трезвого прагматического прагматизма, экономного расходования престижа и влияния страны для выполнения российской внешнеполитической программы¹.

Укрепление государственности Российской Федерации, федеральной власти, проведение национально ориентированной политики требовали выработки государственной идеологии. Был выдвинут лозунг о возрождении великой державы, который получил поддержку всех партий и течений. Центральное место в новой идеологии заняла идея «просвещенного патриотизма». В 1992 году термин «патриот», чаще «национал-патриот», относили к представителям левой и правой консервативной оппозиции. В 1994 году в ходе внешнеполитических дебатов мнения либеральных политиков и экспертов разделились: выделилась группа либеральных прозападных демократов, сохранявших приверженность идеям 1991–1992 гг., и либерально-консервативных демократов, не отрицавших необходимости взаимодействия с Западом, но считавших главной задачей политики России возрождение ее в качестве великой мировой державы. Термин «патриот» получил иное толкование.

С.В. Кортунов ввел термин «просвещенный / демократический патриотизм» и определил его, как «идеологию российского возрождения, которая соединяет в себе идеи открытого общества и личной свободы с сильной и ответственной государственной властью»². Идеи просвещенного патриотизма и реализма оказали

---

¹ Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России. — С. 49-50.

² Кортунов С.В. Национальная сверхзадача. Опыт российской идеологии // Независимая газета. — 1995, 7 октября.

влияние на выработку внешнеполитической доктрины России, на определение ее геополитических приоритетов.

Активизация внешнеполитических дискуссий была позитивным фактором, но не менее важным было документальное оформление наработок академического сообщества, с тем чтобы сформулированные положения вошли в содержание официальных документов государства, прошли проверку на многопартийность, т.е. выдержали смену хотя бы одной партии у власти, чтобы можно было говорить о том, какие из положений разделяются достаточно широким спектром политических сил, а какие специфичны только для воззрений определенной группировки, партии, конкретного состава правительства¹.

Это произошло в 1996 году, когда на пост министра иностранных дел был назначен Е.М. Примаков (9 января), представивший концепцию многополярного мира как основы политики Российской Федерации, начался активный диалог с США и НАТО по вопросу об оформлении двусторонних отношений, активизировалась региональная политика на ближневосточном и азиатском направлениях, наметился сдвиг в оформлении российско-белорусского союза, были предприняты шаги по изменению ситуации в СНГ. Е.М. Примаков определил характер новой эпохи как переходный от конфронтационного к демократическому. Он заявил о том, что Россия выступает за многополярную модель мира, который находится в процессе становления и в котором разные центры силы, включая Россию, займут свое место и будут выполнять определенную роль².

К числу основных сфер приложения усилий российской внешней политики новый министр отнес следующие:

1. Не допустить, чтобы место старых фронтов противостояния заняли новые разделительные линии: негативное отношение к расширению НАТО на пространство распавшегося Варшавского договора, к попыткам сделать этот альянс осью новой системы европейской безопасности.

2. Освобождение от менталитета «ведущих» и «ведомых»: неприятие тезиса о том, что одни страны вышли победителями в хо-

---

¹ Косолапов Н.А. Новая Россия и стратегия Запада. — С. 10.

² Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы //Международная жизнь. — 1996. — № 10. — С. 3-13.

лодной войне, а другие — побежденными. Народы по обе стороны занавеса общими усилиями избавились от политики конфронтации.

3. Демократизация международных экономических отношений: 1) отказ от придания внутренним законам характера экстерриториальности (наподобие закона Хелмса-Бэртона о наказании тех, кто экономически сотрудничает с Кубой), отказ от ужесточения экономических блокад в отношении таких стран, как Иран, Ливия, Ирак и других; 2) пересмотр дискриминационных ограничений в торговле, в том числе в отношении к России, которую продолжают причислять к странам с переходной экономикой.

4. Продвижение к стабильному миру на основе «кооперативности» действий международного сообщества при решении таких проблем, как урегулирование конфликтов, сокращение вооружений и укрепление доверия в военной сфере, укрепление гуманитарного и правового компонентов безопасности, помощь и поддержка тем странам, которые испытывают трудности в своем развитии.

Министр оспорил концепцию однополярного мира, что вызвало резкую критику в США. В американских СМИ появились статьи, в которых назначение нового министра и его категоричная позиция объявлялись свидетельством возврата к «имперской политике», к реакционному консерватизму.

Концепция многополярности, хотя была положена в основу официальной стратегии МИД, не принималась безоговорочно российской академической элитой. В частности, высказывалось мнение, что однополярный характер международных отношений предпочтителен для России и может быть использован в ее интересах, что России не стоит форсировать формирование многополярного мира, в котором такие страны, как Китай и Турция могут получить преимущества и попытаются закрепить их любыми средствами за счет других членов мирового сообщества, среди которых может оказаться и Россия. Эта точка зрения основывалась на том, что Россия слаба, не может отстоять свое место одного из полюсов власти в мире, поэтому ей выгоднее поддержать однополярный характер международных отношений, чтобы воспрепятствовать формированию новых полюсов власти до того момента, когда Россия преодолеет существующие сложности и восстановит ресурсы. Отмечалась неизбежность эволюционного расшатыва-

ния однополярной системы в будущем, прежде всего вследствие жесткой конфронтации Севера с Югом¹.

Такая позиция перекликалась с мнением тех либеральных демократов-перестроечников, которые считали, что Россия должна сосредоточиться на решении внутренних проблем, устранившись от активной международной деятельности, приняв однополярность мира и лидерство США. Хотя многие представители внешнеполитической элиты выступали за ограничение сферы приложения российской политики, никто из них не считал возможным ждать более благоприятных для нее условий. Отмечалось, что Россия не имеет права на изоляционизм, так как добровольный, пусть даже временный, отход от активной позиции может обернуться невосполнимыми потерями в будущем.

Более категоричная позиция России по проблемам безопасности, стремление сохранить и укрепить великодержавный статус, критика политики США вызвали осложнения и охлаждение в двусторонних отношениях. В статье одного из ведущих специалистов в области российской и американской истории А.И. Уткина отмечалось, что «охлаждение», наступившее в российско-американских отношениях, произошло по двум основным причинам.

1. Соединенные Штаты испытали разочарование в трех сферах, где результаты не совпали с их ожиданиями: в России не сложился подлинный рынок с классическими правилами биржевой игры, со здоровой конкуренцией и т.д.; русская демократия не достигла западных норм; после нескольких лет непрерывного «да» (1988–1991) Россия стала говорить «нет» на международной арене.

2. Изменились видения, настроения и позиции Москвы, воспринимавшей США в 1991–1993 гг. как «модель, донора, друга». Россия почувствовала напрасными свои жертвы 1988–1991 гг., отвергнутой свою концепцию привилегированного партнерства, дезаурированными свои претензии на особые отношения с Соединенными Штатами: в отличие от «плана Маршалла», который стоил 2% американского ВВП, помощь России составила 0,005% от ВВП США; не оправдались надежды на соединение американской технологии и капитала с российскими природными ресурсами: аме-

---

¹ См., например: Казеннов С., Кумачев В. Эпоха разрушения биполярного мироустройства. Россия должна пока воздержаться от глобальных игр // ИГ-сценарии. — № 8. — 1997 (июль).

риканские инвестиции в экономику КНР составляли 50 млрд. долл., в российскую — 5 млрд. долл. при ежегодном оттоке российского капитала на Запад в размере 15-20 млрд. долл.; реконструкция НАТО в сторону расширения на восток и создание европейской системы безопасности проходили без участия России; в России начала «рассасываться» прозападно настроенная интеллигенция, что в целом ведет к усилению антизападных настроений в обществе; вступают в противоречие две цивилизации — западная и восточная, и американская сторона не хочет этого понять и учесть¹.

Ситуация, сложившаяся в российско-американских отношениях к 1996 году, позволила российским политологам говорить о том, что Запад «теряет» Россию. В достаточно категоричной форме представители прагматического подхода заявляли, что честное и уважительное партнерство с Россией и учет ее интересов должны стать непременным условием решения актуальных для США международных и двусторонних проблем. Подчеркивалась необходимость отказа рассматривать Россию как побежденную страну, признать, что внешнеполитический курс, ориентированный на получение от России односторонних уступок в обмен на политическую поддержку российских реформ себя не оправдал; оставить иллюзию, что ей можно навязать роль младшего партнера.

С.В. Кортуннов отмечал, что ожидания российской элиты в отношении партнерства с Западом оказались завышенными, обернулись несбывшимися надеждами и разочарованиями. По его мнению, Россию нельзя было упрекнуть в том, что в своем стремлении к такому партнерству, она была неискренна или же применяла какие-то двойные стандарты (чем грешили Соединенные Штаты по единодушному убеждению российских политологов)².

Еще раньше об этом написал В.А. Кременюк, заявивший, что «без сильной и дружественной России Западу вряд ли удастся создать стабильный и предсказуемый мировой порядок в следующем столетии, так как за любым противником США всегда в той или иной степени будет стоять Россия». Он высказал мнение,

---

¹ Уткин А.И. Москва и Вашингтон: пауза после «стратегического партнерства» // Независимая газета. — 1996, 25 апреля. См. также работу автора: Россия и Запад: проблемы взаимного восприятия и перспективы строительства отношений. — М., 1995.

² Кортуннов С.В. Кризис партнерства // Независимая газета. — 1996, 12 января.

что резервы для налаживания конструктивных отношений между Россией и США не исчерпаны, и каждая из сторон сделала для себя определенные выводы: «Россия получила хороший урок — желание быть принятой в мировое сообщество должно быть подкреплено убедительной демонстрацией способности справляться со своими проблемами, а не взваливать их на других»¹.

Главный итог российско-американских отношений в понимании российской элиты либерально-консервативного (прагматического) мировоззрения состоял в том, что интересы и стратегия России должны быть четко сформулированы и реализованы на всех необходимых для России направлениях, независимо от того, как это согласуется (или не согласуется) с интересами США. Эту мысль в достаточно категоричной форме высказали В.А. Кременюк и А.Д. Богатуров: «Соединенные Штаты в своих требованиях к России сами не остановятся никогда. Они продолжают расширять набор своих «пожеланий» в отношениях с Москвой еще и потому, что Россия сама до сих пор не довела до сведения американских партнеров те разумно обоснованные географические и сущностные контуры ее интересов, твердо отстаивать которые она будет, даже рискуя достигнутым в постконфронтационные годы уровнем сотрудничества»².

Политологи заявили, что России не следует ожидать «лояльности» США и Запада по отношению к ней, каких-либо решительных действий и усилий по оказанию реальной поддержки и помощи в тяжелый переходный период. Евразия всегда была и останется центром американских стратегических и экономических интересов. Не допустить гегемонии в Евразии какой-либо одной державы — базисная цель американской политики с тех пор, как она стала приобретать черты политики глобальной. Соединенные Штаты употребили пять послевоенных десятилетий на изматывание Советского Союза и подрыв его способности претендовать на роль такого гегемона. Именно эта цель, по прогнозам экспертов, — устранить любого соперника американским интересам в масштабах Евразийского материка — систематически

---

¹ Кременюк В.А. «Теряет» ли Запад Россию // Независимая газета. — 1995, 1 декабря.

² Богатуров А.Д., Кременюк В.А. Сами американцы не остановятся никогда // Независимая газета. — 1996, 29 июня.

воспроизводилась и будет воспроизводиться в качестве первоочередной при любых переменах власти в Вашингтоне¹.

Несмотря на достаточно критические оценки позиции США и стран Запада по отношению к России, большинство представителей внешнеполитической элиты, мысливших в категориях «реальной политики», высказали убеждение в том, что отношения с США должны быть пересмотрены, но не следует вносить в них какие-либо элементы конфронтации. По мнению политологов центристской ориентации, России следовало отказаться от амбициозных и невыполнимых идей типа идеи стратегического союза с США; проводить более гибкую линию, не отказываясь от идеи партнерства целиком, применять его в конкретных условиях, сделать партнерство не глобальным, а локальным и предметным.

С.М. Рогов так определил задачу внешней политики России в складывавшейся международной ситуации: «В условиях, когда экономический кризис в стране еще не преодолен, а падение производства и развал экономической структуры продолжаются, — не допустить консолидации новой системы международных отношений, при которой Россия оказывается в изоляции... одна из главных задач, помимо поиска друзей на Юге и на Востоке, — не допустить конфронтации с Западом. Возврат к временам холодной войны был бы для нас губителен»².

Помимо отношений с США перед Россией стояла не менее серьезная дилемма: сохраниться и укрепиться в качестве великой державы, одной из самых влиятельных в Евразии. Была высказана мысль о том, что если придется выбирать между интересами государственной целостности России и безопасности в зоне СНГ, с одной стороны, и интересами партнерства с США, с другой, то компромисс может быть уместен только при преобладании первых³. «Пробуксовка» в российско-американских отношениях, разочарования в результатах усилий России по оформлению действующего, а не декларативного партнерства, осознание того, что влияние страны все более сокращается в соседних странах, стави-

---

¹ Богатуров А.Д., Кременюк В.А. Российско-американские отношения: между конфронтацией и партнерством //США — экономика, политика, идеология. — 1996. — № 7. — С. 6.

² Рогов С.М. Нас выталкивают из Европы //Век. — 1996, 25-31 октября.

³ Богатуров А.Д., Кременюк В.А. Сами американцы не остановятся никогда.

ли задачу более активных действий на региональных направлениях, в отношениях не только со странами СНГ, но и с Китаем, Индией, Ираном, странами АТР, Ближнего и Среднего Востока.

Активизация политики Японии, КНР, Республики Корея на востоке России требовала большего внимания к отношениям со странами, которые могли составить конкуренцию влиянию России в регионе. Ряд политологов, например В.Л. Цымбурский¹, П.Л. Ларин², А.Д. Богатуров, подчеркивали, что «увлеченность» дискуссиями вокруг однополярности и роли США заслонила наиболее важные вопросы, такие как будущее Сибири и Дальнего Востока. Отмечалось, что если однополярность – знак возросшей политической зависимости России от США, то многополярность – это воплощение реального, но плохо осознанного в Москве превращения российского Дальнего Востока в часть геоэкономического пространства Китая, в периферийный фрагмент китайского интеграционного – по отношению к Тихоокеанской экономической зоне – поля³.

Назначение Е.М. Примакова на пост премьер-министра в сентябре 1998 года не позволило ему в полном объеме реализовать заявленную многовекторную внешнеполитическую стратегию. Новый глава МИД РФ И.С. Иванов сохранил приверженность начатому курсу, однако его более активная реализация началась в 2000 году при новом президенте В. В. Путине.

Первый раунд расширения НАТО и заявление США о втором раунде приема новых членов в альянс, бомбардировки Белграда силами НАТО в марте 1999 года без согласования с ООН, когда премьер-министр Е.М. Примаков развернул самолет, в котором он направлялся с официальным визитом в США, свертывание программ сотрудничества России и НАТО в 1999–2000 гг. позволили вновь заговорить о кризисе в российско-американских отношениях, о наступлении «холодного мира». Приходилось признать неизбежность расхождения интересов России и США, о чем писали некото-

---

¹ Об этом раньше других написал В.Л. Цымбурский. См. его статью: Национальные интересы России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1994. – № 3. – С. 7-9.

² Ларин П.Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – № 1. – С. 15-26.

³ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. – С. 6.

рые политологи в 1992–1994 гг., и главенство национальных интересов над любыми формами партнерства с США.

Как заявлял Е.М. Примаков, без активной внешней политики России трудно, если вообще возможно, осуществлять кардинальные внутренние преобразования, сохранить свою территориальную целостность. «России далеко не безразлично, — говорил премьер-министр, — каким образом и в каком качестве она войдет в мировое хозяйство — дискриминируемым сырьевым придатком или его равноправным участником. Это также во многом относится к функции внешней политики»¹.

В 2000 году была представлена новая Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена президентом РФ В.В. Путиным 28 июня 2000 года), в которой нашли отражение предложения российских специалистов-международников. Мы отмечали, что Основные положения концепции внешней политики РФ 1992 года были в значительной степени декларативным документом, и российский МИД часто упрекали в отсутствии четко продуманной стратегии деятельности. На этот факт указал министр иностранных дел И.С. Иванов. Он заявил, что теперь внешнеполитическая доктрина существует не только на бумаге, но и в повседневной международной деятельности государства, подвела итог глубоким размышлениям государственных, политических и общественных деятелей, дипломатов и ученых о роли и месте России в мировом сообществе и путях реализации ее долгосрочных национальных интересов на международной арене, тесно увязана с задачами в области экономики, государственного строительства, развития федеративных отношений, социальной сферы, обороны и безопасности. И.С. Иванов особо подчеркнул, что была представлена «работающая» концепция, основанная на опыте прошлого и вместе с тем развернутая в будущее, придающая российской внешней политике дополнительную открытость и предсказуемость: «Это — сигнал мировому сообществу, указывающий четкие ориентиры не только нынешних, но и будущих шагов России в мировых делах»².

В новой концепции была подтверждена приверженность модели многополярного мироустройства, было отмечено, что

---

¹ Примаков Е.М. Россия в мировой политике // Год Планеты. — М., 1998. — С. 52.

² Иванов И.С. Внешняя политика России и мир. — С. 4-14.

только в рамках такой системы Россия смогла бы наилучшим образом обеспечить себе достойное место в мировом сообществе. В документе нашла отражение позиция тех российских ученых и политиков, которые утверждали, что Россия сможет сохранить великодержавный статус только при условии благоприятного экономического развития и успешного решения внутриполитических проблем. В концепции записано также, что внешнеполитическая деятельность должна создавать благоприятный климат для решения следующих задач: обеспечение надежной безопасности, создание максимально благоприятных условий для устойчивого экономического роста, повышение жизненного уровня населения, укрепление единства и целостности страны, основ ее конституционного порядка, консолидация гражданского общества, защита прав граждан и соотечественников за рубежом.

Большинство представителей внешнеполитической элиты признали, что политика современной России испытывает серьезные ограничения, вызванные ее экономическим состоянием, последствиями распада СССР, сложностями трансформационного периода как внутреннего характера, так и международного. Однако высказывалось мнение, что, хотя России пришлось сузить сферу приложения своих интересов и масштабов деятельности, это не могло быть равнозначным уходу России из отдельных регионов, отказу от активной международной деятельности. Речь могла идти об «экономии» внешнеполитических ресурсов, об отказе от дипломатического присутствия ради самого присутствия в сочетании с активной, многовекторной внешней политикой, нацеленной на использование всех возможностей там, где это способно принести реальную отдачу для внутреннего развития страны.

По определению А.Д. Богатурова, «экономный многовекторный подход — это битва за организационный ресурс». Имеется в виду, что в условиях, когда Россия стремительно теряет возможности реально влиять на принятие ключевых международных решений по мере того как, во-первых, Группа семи все решительней перенимает у ООН функции регулятора мировой политики и, во-вторых, сама Организация Объединенных Наций приближается к внутренней реформе, при любом варианте которой удельный вес голоса России в массе приобщаемых к принятию решений стран уменьшится, даже если и сохраняется в какой-то форме ее привилегированный статус в Совете Безопасности ООН.

Оценивая состояние российско-американских отношений, политолог справедливо отмечал, что они характеризовались столь разительным перевесом США в обеспеченности внешнеполитическими ресурсами, что говорить о равноправном партнерстве между двумя странами приходилось как о желанной, но недостижимой цели. То, что российская дипломатия может сделать на американском направлении фактически, А.Д. Богатуров определил как «пассивное сопротивление», характеризующееся избирательным противодействием напору США по трем причинам: из-за ограниченности ресурсов России, ее зависимости от финансовой поддержки Запада, разросшегося проамериканского слоя финансово-деловых кругов и магнатов индустрии массовой информации. По мнению политолога, взаимодействие России и США могло продолжаться во вполне приемлемых рамках квазипартнерского, квазисоюзнического вектора, сохранение которого не исключает периодических всплесков трений. В этих условиях основными задачами российской политики он видел следующие:

– вовлечение Соединенных Штатов в переговоры о реформе режима контроля над вооружениями с целью продлить его жизнь и сохранить рычаги хоть какого-то влияния на военную политику США;

– отстаивание относительной свободы маневра России в вопросах регулирования периферийных конфликтов вблизи ее границ и понуждение США к подтверждению принципа невмешательства во внутренние дела других государств;

– достижение компромисса в вопросах трактовки понятий терроризма, допустимых пределов борьбы с ним, права на гуманитарную интервенцию, соотношения прав человека и государственного суверенитета в ситуациях политических и правовых коллизий между ними;

– сохранение при помощи диалога с США доступа к финансовым ресурсам Запада при постепенном и посильном сокращении зависимости от них России;

– обеспечение наполнения российско-американских отношений реальным экономическим содержанием, которого в них недостаточно;

– расширение сферы внешнеполитической самостоятельности России, в том числе за счет углубления сотрудничества с

Китаем, Вьетнамом, Индией, арабскими странами, Ираном и Северной Кореей;

– повышение роли России в механизмах миросистемного регулирования – как ооновских, так и формирующихся вокруг «семерки» и региональных интеграционных ядер в Восточной Азии и Европе.

Как и большинство сторонников активной политики, А.Д. Богатуров считал, что уход в оборону, разрыв прежде достигнутых договоренностей в таком положении – крайний вариант. Оптимальная линия России, в его видении, должна являть собой довольно виртуозное сочетание твердости с изворотливостью и умением находить компромисс в условиях превосходства партнера по диалогу¹.

Проблема российской идентичности в новом веке

Принятие новой внешнеполитической доктрины подвело черту под дискуссиями в академическом сообществе, стало свидетельством достижения определенного согласия по основным вопросам международной деятельности России и отношений с США. Однако обсуждение будущего страны, ее места в мировой политике и отношений с Америкой продолжалось. Этому способствовали важные события, происходившие в мире, изменения в американской политике после смены руководства в 2001 году, а также сохранение разных позиций среди российских политиков и ученых. Одним из основных обсуждавшихся вопросов была идентичность Российской Федерации в новом веке, определяющая ее поведение в формирующемся мировом порядке, равно как и влияние на его конструирование.

Заметное влияние на ход внешнеполитических дискуссий оказали работы С.М. Рогова, который отстаивает три основные идеи: 1) Россия – евразийская держава, мост между Европой и Азией, в этом уникальность ее геополитического положения, которое она должна максимально использовать в национальных интересах; 2) ключ к сохранению великодержавного статуса лежит в экономи-

---

¹ Богатуров А.Д. «Стратегия выравнивания» в международных отношениях и внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 2. – С. 20-29.

ческой сфере, и для решения экономических задач евразийская модель является оптимальной для страны; 3) евразийская политика не исключает, а скорее предполагает важность отношений с США.

С.М. Рогов признает однополярный характер мировой системы, где США занимают доминирующие позиции в ключевых международных финансовых и экономических институтах — Группа семи, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), МВФ, Всемирном банке, ВТО. Россия заинтересована в сотрудничестве с этими и другими организациями, поэтому призывы отказаться от «американского уклона» в российской политике носят, по его убеждению, нереалистический характер. Хотя жизненно важные интересы России связаны, прежде всего, с СНГ, а также такими регионами, как Европа, Ближний и Дальний Восток, роль США в мировых делах в начале XXI века делает отношения с Вашингтоном приоритетными для любой страны. С.М. Рогов убежден, что Россия может сотрудничать или соперничать с Америкой, но не может ее игнорировать.

Как большинство национально ориентированных либеральных политологов, С.М. Рогов считает, что для достижения целей России необходимо изменить формулу отношений с Западом, убедить США и их партнеров отказаться от навязывания России экономических рецептов, которые никто не применяет на самом Западе. Российский экономический потенциал сможет заработать в полную силу только в том случае, если удастся решить с Вашингтоном в рамках двусторонних и многосторонних договоренностей такие вопросы, как списание советских и долгосрочная реструктуризация российских внешних долгов; снятие ограничений на экспорт российской продукции на западные рынки; предоставление государственных гарантий США и их западным частным партнерам по инвестициям в Россию; согласование льготных условий для российской промышленности и финансового сектора при вступлении в ВТО; достижение договоренностей, позволяющих вернуть в Россию нелегально вывезенные капиталы. От России это требует принятия жестких обязательств (если они не противоречат российским интересам), таких как ликвидация бартера, сохране-

ние первичного профицита федерального бюджета, обеспечение прав собственности, поддержание закона и порядка и т.п.¹

Отстаивая важность экономической составляющей российской внешней политики, С.М. Рогов с тревогой обратил внимание на тот факт, что Россия оказалась в изоляции от важнейших мировых интеграционных процессов. Развернувшееся после окончания холодной войны строительство «общеевропейского дома» идет без участия России. Происходит рост взаимодействия между странами Восточной Азии по формуле «семь+три» (страны АСЕАН, а также Китай, Япония и Южная Корея). На долю этих государств приходится 32% мирового населения, 19% ВВП, 25% экспорта и 18% импорта, а также 15% притока прямых иностранных капиталовложений. В 1998 году в Ханое состоялась первая встреча лидеров «семь+три». В конце 1999 года на встрече в верхах в Маниле было принято решение о поэтапном создании своего рода «Общего рынка» восточноазиатских стран. Россия оказалась в стороне от процесса «семь+три», хотя в 1997 году она вступили в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Но российское участие в АТЭС оказалось чисто символическим, никаких конкретных инициатив со стороны Москвы не последовало. Российские экономические позиции в АТР продолжают слабеть².

По мнению С.М. Рогова, возникла парадоксальная ситуация: Россия, единственная в мире держава, имеющая жизненно важные интересы и физически расположенная в Европе и Азии, оказалась в изоляции от своих соседей, ставших на путь интеграции. В то время, как выживание и усиление России может быть обеспечено только в том случае, если ее соседи и на Западе (евроатлантическое сообщество), и на Востоке (азиатско-тихоокеанское сообщество) сочтут, что их интересам отвечает сотрудничество с Москвой. Россия получит максимальную выгоду от взаимозависимости, если сможет получить в глобальной экономике такую роль, которая превратит ее в одну из опор мирового рынка.

---

¹ Рогов С.М. Россия и США на пороге XXI века: новая повестка дня // Дипкуррьер НГ. — № 6. — 2000, 6 апреля.

² Рогов С.М. Изоляция от интеграции. Принадлежность двум частям света — уникальное преимущество нашей страны, но использовать его Москва лишь пытается // Дипкуррьер НГ. — № 19. — 2000, 7 декабря.

В качестве основной стратегической задачи для России в ближайшем будущем рассматривается реализация ее геоэкономических возможностей. У России есть реальная возможность в 6-8 раз увеличить объем транспортных услуг мировому сообществу, способствуя сбалансированному развитию транспортных связей по «оси» Европа — Азия и в «треугольнике» Европа — Азия — Америка, для чего потребуются модернизация всего российского транспортного комплекса. При этом специализация России в мировой экономике будет связана не только с поставкой сырья, но и с развитием новейших коммуникационных технологий. В условиях, когда баланс военных сил в Европе и АТР изменился не в пользу России, считает С.М. Рогов, интеграция в глобальную экономику на основе максимального использования географического положения существенно укрепит безопасность Российской Федерации, экономическое процветание которой станет важнейшим фактором успешного экономического развития Европейского Союза и Восточной Азии. Евразийская стратегия России видится как стратегия, имеющая всеобъемлющий характер, интегрирующая экономические, политические и военные аспекты внутреннего и внешнего развития страны.

В.И. Кривохижа, сторонник евразийской стратегии, убежден, что международная деятельность России должна сочетать в себе глобальный и региональный аспекты. Он отмечает, что интерпретация проблемы сохранения глобального статуса России и приоритетов в международных делах весьма часто решается путем рассмотрения вопроса о соотношении российских интересов на Западе и на Востоке, что, по мнению политолога, носит надуманный и искусственный характер, так как по геостратегическому положению и исторической, культурной традиции Россия является евразийской державой. В.И. Кривохижа убежден, что активизация политики на одном направлении не должна рассматриваться как альтернатива неудачам на другом направлении, и постановка вопроса в таком ключе является проявлением региональной ментальности: ориентироваться на Запад в ущерб интересам на Востоке, или наоборот, означает автоматическое придание стране регионального статуса, что противостоит естественности¹.

---

¹ Кривохижа В.И. На пороге изменений в миропорядке //Международная жизнь. — 2001. — № 4. — С. 30-39.

Сторонники евразийской стратегии высказывают мнение, что Россия в обозримом будущем не может и не должна стать ни Европой, ни Азией. Но для нормального развития своих отношений с различными странами она должна решить важную задачу — структурировать в организации государственной и общественной жизни свою евразийскую природу как нечто понятное другим, стабильное и системно целое. Достаточно условно, но в чем-то аналогично тому, что было сделано в советский период (естественно на другой основе). До тех пор, пока Россия — правильно или даже ошибочно — не может быть «понята умом», прежде всего самими россиянами, рассчитывать на достойное место в мировом сообществе вряд ли представляется реальным. Многовековой опыт, история страны показывают, что без адекватной уровню текущего мирового развития организации огромной ресурсной базы — духовной, культурной, материальной — потенциальные возможности не реализуют себя в той мере, в которой они отвечали бы запросам российского общества. Это происходит и потому, что ввиду евразийского положения страны, широкой многонациональной палитры российского общества и соответствующего ему интернационального характера наиболее образованной и политически активной части граждан, ориентиры развития и запросы на обновление всегда будут обусловлены в России больше, чем в других странах, наиболее передовыми идеями глобального развития. В результате традиционно сверхсложная для России задача нахождения консенсуса — в условиях его постоянного поиска, в том числе в форме национальной идеи — дополнительно усложняется.

В важности определения новой идентичности России убеждены и В.А. Кременюк и Э.Я. Баталов. Они признают, что положение, занимаемое Россией в центре Евразии, является стратегическим «товаром», в котором объективно не могут не быть заинтересованы ни Соединенные Штаты, ни другие страны в условиях глобализации и возникновения международных коллизий в будущем. Но обращают внимание на то, что в начале XXI века Российская Федерация представляет собой качественно новое территориальное и политическое образование, которое еще должно самоопределиваться. Речь идет не просто об уменьшении территории, а, скорее, о серьезном ухудшении общей геополитической ситуации для новой России — она уже не совсем тот «осе-

вой регион» мира, «хартленд», о котором говорил один из основателей геополитики Х. Маккиндер¹.

Критики евразийской стратегии, например, авторитетный политолог А.Ю. Мельвиль, утверждают, что в самоидентификации России и определении ее роли в мире геополитика сегодня вторична по отношению к выбору ее политического «Я». Без этого принципиального политического самоопределения, писал политолог в 1998 году, когда появилась работа С.М. Рогова «Евразийская стратегия для России», вряд ли есть смысл говорить о сохранении некоей исконной геополитической роли России как мирового цивилизационного и силового евразийского «балансира» и еще меньше — о «России примиряющей», «России соединяющей», «России сочетающей» и благодаря своему срединному положению между Европой и Азией иницилирующей и поддерживающей диалог культур, цивилизаций и государств².

Полемизуя с С.М. Роговым, А.Ю. Мельвиль заявил, что Россия как геополитический «евразийский мост» — в политическом отношении сегодня не более как миф, поскольку нет у нее ни соответствующих коммуникаций, ни технологических и экономических целей, ни внятной и определенной (а не просто декларативной) культурно-цивилизационной посреднической функции. Он считает, что Россия не стала активным участником интеграционных процессов ни в Европе, ни в Азии; несмотря на все ультиматумы российского руководства, не удалось остановить расширение НАТО на восток; историческая роль России на Балканах сходит почти на нет; снижается ее роль в АТР; российский ВВП сегодня меньше 2% от мирового. А.Ю. Мельвиль не испытывает оптимизма относительно возможностей российских коммуникаций, заявляет, что российский транспорт, лишь теоретически способный связать Восток и Запад, в упадке; каспийские трубопроводы вполне могут пойти в обход России; путь из Европы в быстро развивающийся Китай (и обратно) тоже может пойти через Центральную Азию и Закавказье, опять-таки минуя Россию; взаимовлияние культур и цивилизаций происходит сегодня достаточно интенсивно, остав-

---

¹ Баталов Э.Я., Кременюк В.А. Друзья? Соперники? Партнеры? О возможном будущем на фоне недавнего прошлого // Независимая газета. — 2001, 6 октября.

² Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Открытая политика. — 1998. — № 6. — С. 78-85.

ляя Россию во многом в стороне. Считавшаяся прежде аксиомой увязка между ядерным оружием и статусом сверхдержавы оказалась в действительности, как минимум, сильно преувеличенной.

А.Ю. Мельвиль выражает мнение той части либеральной российской элиты, которая видит главную задачу политики России не в международной деятельности, а в завершении начатых реформ. Он формулирует свою точку зрения следующим образом: «Российские приоритеты сейчас — внутренние. Это, если угодно, исторический шанс заняться своими отложенными в «задержанном» развитии проблемами, своим собственным обустройством, своим народом и своим обществом. Приоритеты внутренней модернизации, последовательного достраивания демократической политической системы, структурной перестройки экономики и социальной сферы, а не экстенсивный путь рыночного развития при олигархическом режиме, грезящем о былом геополитическом величии, — вот наш сегодняшний исторический «вызов»: от построения либерально-демократического и преуспевающего общества — к определению своего нового места в мире»¹.

Политолог, не усматривая какой-то особой евразийской миссии России, заявляет, что без России как евразийского «балансира» (или «моста») мир вовсе не сползает к состоянию геополитического хаоса, хотя в нем и возникли новые мощные дестабилизирующие тенденции (локальные, по преимуществу этнополитические конфликты, в том числе архаического происхождения, ядерное распространение, бесконтрольные миграционные потоки и др.). И прежде всего потому, что у самой России ограниченные рычаги влияния на новых международных дестабилизаторов.

Призывы к использованию уникального географического положения кажутся критикам евразийской модели несостоятельными в силу того, что в современном мире великой страну делает не «голая» геополитика, а применительно к России — не само по себе «срединное положение» между Европой и Азией. Величие державы в современном мире покоится, прежде всего, на внутренних — политических и экономических — составляющих. Именно здесь Россия должна осуществить свой экзистенциальный выбор и построить свое демократическое и постимпер-

---

¹ Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? — С. 84-85.

ское «Я». А.Ю. Мельвиль оговаривается, что сказанное — не призыв к изоляционизму и самоустраненности из мировых дел. Активная внешняя политика нужна — но не вообще «по всем азимутам» и не как ностальгическое «взнуздывание» своего общества исходя из образов прошлого величия. Направленная активность в мире — это проекция внутреннего решения: какое общество, какую политическую систему и какие политические ценности Россия хочет иметь для себя.

Известный политолог Д.В. Тренин соглашается с мнением, что современная Россия не располагает материальной базой, ресурсными возможностями для особого пути развития, а так как эта идея составляет суть евразийства, то и в целом евразийская стратегия неосуществима. Он заявляет, что по происхождению и культуре Россия была, есть и останется европейской страной, и это является фактом, а не предметом для дискуссии. Россия — это восток географический, но никак не цивилизационный¹.

В связи с этим высказыванием следует отметить, что российская цивилизация определяется философами и политологами как самостоятельная, равно отличная от европейской и восточной — мусульманской. Евразийская сущность российской цивилизации осложняет ее существование, но не мешает ей взаимодействовать с Европой и придерживаться своих европейских исторических корней. Однако и «отмахнуться» от другой части своего исторического существования она так просто не может. Россия никогда не противопоставляла себя Европе, в то время как Европа пыталась и пытается это сделать, что в принципе контрпродуктивно, так как все равно с Россией договариваться придется (что диктуется притягательностью огромного российского рынка для европейских стран), да и мусульманский фактор в Европе также присутствует, создает проблемы и, возможно, потребует взаимодействия с Россией для их урегулирования.

Думается, что Д.В. Тренин несколько преувеличивает значение евразийства как философской теории в российском мышлении и в политике, смешивая его с евразийством географическим, о чем говорит С.М. Рогов и которое может быть с выгодой использовано Россией. Как бы ни идентифицировали себя жители Сибири и Дальнего Востока (по утверждению автора, как европейцы), если

---

¹ Тренин Д.В. Ненадежная стратегия // Pro et Contra. — Том 6. — № 1-2 (зима-весна 2001). — С. 59-60.

в ближайшем будущем этот регион не удастся густо заселить европейским населением России (что весьма проблематично) и провести интенсивную индустриализацию региона, то там будет расти именно азиатское население (что уже фактически происходит) за счет своих и пришлых граждан (из КНР, КНДР, Республики Корея, Вьетнама, Японии). Педалирование европейской сущности России может оказаться контрпродуктивным и влияние европейского центра может сойти на нет, а территории могут быть потеряны.

А.М. Салмин также настороженно относится к традиционному сравнению России с «мостом» между Западом и Востоком, так как, по его мнению, Российская Федерация имеет меньше оснований претендовать на роль такого потенциального «моста», чем Российская империя или СССР (в силу тех же причин, которые отмечает А.Ю. Мельвиль). Однако он убежден в важности сохранения «малого евразийского моста», так как развитие событий, при котором Запад и Восток России начнут «отворачиваться» друг от друга в силу явной экономической и растущей культурной, в том числе, этнокультурной, обособленности, может спровоцировать распад государства. Внутренняя интеграция России, считает А.М. Салмин, остается первоочередной внутри- и внешнеполитической задачей, должна сочетаться с успешной политикой на внешних рубежах.

Политолог считает, что стратегическая задача России — оптимизировать, используя все возможности и ресурсы, свое положение в мире, несмотря на неблагоприятные внешние и внутренние стартовые условия, добиваться того, чтобы эта система, в том числе некоторые ее полюса (реальные субъекты), складывалась и/или функционировала в обозримом будущем не без действенного участия России (организационные ресурсы у А.Д. Богатурова)¹.

Отдельные сторонники «либерально-западной» (альтернативной евразийской) внешнеполитической стратегии оценили результаты международной деятельности России как «концептуальный кризис» и «ненадежную стратегию». Следует более подробно остановиться на положениях критических работ, так как в них содержатся положения, заслуживающие анализа².

---

¹ Салмин А.М. Россия, Европа и новый мировой порядок //Полис. — 1999. — № 2. — С. 26.

² Подведению итогов внешней политики России за десять лет был посвящен специальный выпуск журнала «Pro et Contra» (зима-весна 2001), который так и назывался «Внешняя политика России: 1991-2000» (Часть 1).

Главный тезис работы политолога Ю.Е. Федорова заключается в следующем: «Начиная с января 1996-го, когда министром иностранных дел стал Евгений Примаков, Россия постоянно балансирует на грани открытой конфронтации с Западом, прежде всего с США и Североатлантическим союзом. Временами это противостояние обострялось настолько, что отношения России с ведущими западными государствами вплотную подходили к порогу холодной войны. Впервые такое произошло в 1996–1997 гг. и было связано с расширением НАТО на восток. Затем в еще более жесткой форме это проявилось во время операции НАТО против режима Слободана Милошевича». Главным проявлением кризиса внешней политики автор назвал «ее перманентную неспособность решить задачи, которые ставит перед ней правящая элита страны», прежде всего, провал попыток остановить расширение НАТО, предотвратить проведение военных операций в бывшей Югославии и как следствие падение влияния на Балканах, кризис в СНГ. Единственным достижением, да и то двусмысленного характера, он назвал налаживание отношений с Китаем¹.

Ю.Е. Федоров считает, что положенные в основу внешнеполитической стратегии России принципы, отражают мышление XVII-XIX веков и не соответствуют реальному положению дел в мире, который живет по законам XXI века — законам глобализации. К устаревшим принципам он относит следующие: представление о влиянии на мировой арене как главной цели внешней политики, о национальном государстве как единственном субъекте международных отношений и государственном суверенитете как абсолютной ценности. По мнению политолога, общепринятые атрибуты великой державы — территория, население, природные ресурсы, промышленный и научный потенциал традиционного типа, военная мощь и т.д. не имеют определяющего значения. Геополитическое положение России и указанные атрибуты скорее осложняют внешнеполитические позиции страны, чем укрепляют их, даже ядерная мощь не конвертируется в политическое влияние на международной арене.

Как и многие другие либеральные ученые, Ю.Е. Федоров отвергает концепцию многополярности, так как, по его мнению,

---

¹ Федоров Ю.Е. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. — Том 6. — № 1-2 (зима-весна 2001). — С. 31-49.

многополярность и баланс сил никогда не были надежным инструментом обеспечения международной безопасности вообще и национальной безопасности России, в частности. В качестве доказательства он приводит тот факт, что в XVII-XIX веках Старый Свет постоянно оставался ареной войн и конфликтов разных масштабов и интенсивности, и XX век также не был избавлен от двух мировых войн. Из этого делается вывод о том, что в постиндустриальном обществе важнейшими станут способность к социальному и экономическому обновлению, технологическим и организационным инновациям, высокая мобильность ресурсов, массовое использование био- и информационных технологий, умение эффективно действовать в быстро меняющейся глобальной экономической среде.

Сходной позиции придерживается и Д.В. Тренин. Он ставит под сомнение тезис о великодержавности России, пишет, что непонятны составляющие этого статуса в начале XXI века, как и необъяснимы несогласованные действия России для нейтрализации устремлений США, якобы направленных на ослабление российских великодержавных позиций, путем создания «контрбалансов» в виде «треугольников» Россия – Китай – Индия, Россия – Франция – Германия, Россия – Иран – Ирак.

Д.В. Тренин обеспокоен тем, что концепция многополярного мира побуждает Россию к попыткам оторвать от Америки ее союзников, прежде всего Западную Европу, укрепить, в первую очередь в военном отношении, Китай как наиболее реального конкурента США, поддерживать и защищать антиамериканские режимы в мире. По оценкам политолога, внешняя политика России ориентируется прежде всего на установление определенной формы миропорядка, а не на обеспечение собственно национальных интересов страны: «Приоритеты реальной, а не трансцендентальной России – простые, но важные для ее граждан вещи: здравоохранение, образование, наука. Избавившись от непосильной имперской ноши, Россия впервые за столетия получила исторический шанс сосредоточиться на самой себе. На языке глобализации девиз начала XXI века мог бы звучать так: *Russia's business is Russia* (Россия должна заниматься прежде всего своими делами)». Перефразируя слова Дж. Кеннеди, Д.В. Тренин формулирует основной тезис политики России следующим образом: «Не спрашивайте, что еще

Россия может дать остальному миру, спрашивайте, чем мир может помочь развитию и процветанию России»¹.

В рассуждениях критиков политики России есть определенная логика, однако она не всегда строго выдержана исторически и концептуально. Можно признать правомерность утверждения о том, что отдельные действия на региональных направлениях требуют большей продуманности и четкого определения рамок взаимодействия, например, с Китаем, Индией, Ираном и многими другими странами, заинтересованными в получении от России сырья, оружия и высоких технологий, которыми они не располагают, а взамен совсем необязательно пойдут на серьезные уступки и будут проводить политику, выгодную России. Можно согласиться с ними в том, что реакция России на расширение НАТО на восток была излишне эмоциональной, а основополагающий акт малоэффективным компромиссом. Можно также раскритиковать «разворот» Е.М. Примакова, когда он с полпути вернулся в Москву из-за бомбардировок Белграда американской авиацией, и в целом его достаточно жесткую позицию в отношении США. Можно признать, что не все действия России были действительно успешными, хотя говорить об этом рано, так как результатов следует ожидать в долгосрочной перспективе (в частности, в отношениях с КНР). Нельзя отрицать того факта, что СНГ остается непрочной структурой, что лишний раз стало очевидно в 1999 году при продлении Договора о коллективной безопасности стран СНГ, когда Узбекистан вышел из него, а также в период антитеррористической кампании США и их союзников по коалиции в Афганистане, когда Грузия заявила о возможности выхода из СНГ.

Однако характеристика внешней политики России на протяжении пяти лет (1996 – 2000 гг.) как балансирование на грани новой конфронтации с Западом, главным образом с США выглядит явным преувеличением, если не искажением реальности. Конечно, если рассматривать двусторонние отношения упрощенно, в варианте, предлагаемом США: «если не с нами, то против нас», тогда действительно все действия России подпадают под категорию неверных, а состояние двусторонних отношений может оцениваться как кризисное. Такая оценка отражает общую позицию либералов-перестроечников, которые считали (и продолжают

---

¹ Тренин Д.В. Неудачная стратегия. — С. 50-65.

считать), что единственное условие вхождения России в глобальные структуры и сохранения дружеских отношений с США — отказ от исторически сложившегося статуса влиятельной (если угодно, великой) державы. При этом не говорится по крайней мере о следующих фактах.

Во-первых, если России не удалось добиться решающих успехов в экономической и иных областях в течение десяти лет своего независимого существования, то это не значит, что она этого не добьется никогда. Потенциал для этого не исчерпан, это признают даже американские экономисты. Так, известный американский специалист по российской экономике А. Аслунд писал в 2000 году, что Россия не нуждается в экономической помощи, так как ее экономика вышла из кризиса и наблюдается стабильный ежегодный рост.

Во-вторых, именно благодаря традиционным атрибутам державности, России удастся сохранять определенное влияние в Евразии и в мире, чего не скрывают ни США, ни соседи России. Главное, на наш взгляд, состоит в том, чтобы наращивая экономический потенциал и другие упомянутые критиками атрибуты «нетрадиционного типа», не утратить традиционные, которые служат важной базой, подпиткой процессов, призванных привести Россию в глобальные структуры.

В-третьих, не следует преувеличивать «фактор покорности» со стороны России в отношениях с США. Как показали отношения СССР и США в 1985–1991 гг., затем России и США в 1992–1994 гг., готовность пойти на многое ради партнерства с США не дали России ощутимых результатов: ни Советский Союз, ни Российская Федерация не получили ни широкомасштабной экономической помощи, о чем писали российские и американские критики политики США¹, ни статуса наибольшего благоприятствования; прошло расширение НАТО за счет стран ЦВЕ и было объявлено о готовности блока принять в свои члены страны Балтии к концу 2002 года; были предприняты попытки ослабить роль России в ООН путем начатой при администрации Клинтона кампании критики этой организации, где Россия сохраняла право вето в Совете Безопасности,

---

¹ См., например: Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. — М., 2001.

игнорирования мандата ООН при урегулировании конфликтов; Россия постоянно критиковалась за политику в странах СНГ, а с началом в декабре 1994 года войны в Чечне она стала объектом давления со стороны США; использовался двойной стандарт в оценке ее действий, она находилась под постоянным огнем американской критики и со стороны либералов, и со стороны консерваторов; проводилась активная политика в постсоветских странах по выводу их из-под влияния России. И этот перечень можно было бы продолжить.

В-четвертых, принятие слабой позиции не гарантирует льгот. Мы повторимся, сказав, что чем больше будет слабеть Россия, тем активней будет политика других держав и США по достижению преимуществ и получению выгод от весьма богатой традиционными атрибутами великой державы страны. Входить в мировые структуры — экономические, безопасности и т. д. следует с позиции силы, пусть и не такой, как у стран Запада, а не с позиции слабости, с чувством достоинства, а не постоянного упоминания о кризисе и упадке. Не соглашаться — не значит противостоять.

Справедливыми представляются слова В.И. Кривохижи, убежденного в том, что перед Россией, как и перед рядом других государств, в очередной раз в истории стоит грандиозная задача формирования нового мирового порядка. Более чем скромные успехи, чтобы не сказать неудачи, отечественной внешней активности последних 10-15 лет, и отнюдь не только на дипломатическом поприще, по мнению политолога, пока не дают оснований рассчитывать, что первый крупный и долгожданный успех («прорыв») произойдет именно на фундаментальном, ключевом направлении — в деле формирования новой системы международных отношений. Однако это не означает, что Россия может совсем устраниваться от участия в системообразующих процессах, пусть и в ограниченном варианте¹.

Особо хотелось бы остановиться на положении о «балансе сил», которое, по мнению ряда либеральных критиков, устарело, является атрибутом прошлых веков, не принесших миру стабильности и бесконфликтного состояния. В период, когда мировой порядок не устоялся, будут существовать старые и новые концепции и принципы строительства межгосударственных от-

---

¹ Кривохижа В.И. На пороге изменений в миропорядке. — С. 39.

ношений. Принцип «баланса сил» используется не только Россией, но и другими ведущими и второстепенными державами. Не отказываются от него и США, где сохраняется стратегическое мышление в категориях «баланса сил», хотя часто оно плотно прикрывается рассуждениями вроде «расширения демократии», участия США «в установлении демократических норм в мире», в урегулировании конфликтов. Принцип «баланса сил» не есть принадлежность той или иной эпохи: он присущ человеку, который его часто использует в достижении личных целей, отдельным группам влияния, странам, группам стран. Он будет утрачивать свое значение в более совершенном обществе, мире, но дорога к этому длинна и сложна. Уже сейчас можно говорить о том, что возможности и масштабы использования принципа «баланса сил» в XXI веке не совсем такие, какими были в XX веке, — на наш взгляд, они меньше и уже.

Соединенные Штаты заявили и о том, что национальное государство более не является основным элементом системы международных отношений, а национальный суверенитет и государственные границы не могут быть преградой для интервенции при решении проблем региональной и международной безопасности. Однако мир неоднороден и для многих государств национальный суверенитет остается приоритетом, в том числе для России, которая не хотела бы стать объектом «гуманитарной интервенции» стран НАТО или кого-то еще. США также готовы употребить все свое военное могущество для защиты суверенитета и границ государства. Пока неясно, к каким последствиям приведут «акции без границ», проводимые США и их союзниками (в 2001 году к ним присоединилась и Россия со странами СНГ), нельзя исключить и возможность усиления нестабильности в мире.

Думается, неверно и утверждение о том, что внешнеполитические действия России целиком направлены на противостояние США. В ходе внешнеполитических дискуссий неизбежно вставал вопрос о государственной идентичности России — европейская или евразийская держава, великая держава или обычное государство; о соотношении ее с Америкой. При ответе на первую часть вопроса, как отмечалось выше, мнения разделились, что касается великодержавности и отношений с США, то интересную точку зрения, на наш взгляд, представил Э.Я. Баталов. Он высказал мнение, согласно которому, несмотря на происшедшие

сдвиги в мире, в поведении и США, и России сохраняется историческая внешнеполитическая традиция.

Э.Я. Баталов считает, что каким бы ни оказался реальный внешнеполитический курс Соединенных Штатов, какая бы из политических партий ни доминировала на Капитолийском холме и лидеры какой бы ориентации ни поселялись чаще других в Белом особняке на Пенсильвания-авеню, глубинная предрасположенность к тотальному мессианству не покинет Америку¹.

Что касается России, пишет Э.Я. Баталов, то с той поры, как Россия погрузилась в глубокий системный кризис, со всех сторон слышатся голоса с требованием решительно отмежеваться от «имперской политики» и поумерить «великодержавные притязания». Насколько обоснованы, разумны и бескорыстны подобного рода призывы — отдельный вопрос. Не вполне ясно, каким курсом будет следовать новое руководство страны на международной арене, какой будет политика внутри государства — до сих пор не очень понятно. Однако жив и российский мессианизм, существуют императивы традиционной Русской идеи, которые не прислушиваются ни к каким голосам. Растворенные в национальной культуре, психологии и политической философии, ее архетипы будут и дальше — в каком бы положении ни оказались страна и народ — ориентировать на восприятие событий, происходящих за пределами России (и на соответствующую поведенческую реакцию) не иначе, как сквозь призму традиционного мессианизма.

Э.Я. Баталов утверждает, что Россия остается великой державой. Она является таковой уже в силу совокупного действия таких факторов, как геополитический статус; неординарный военный потенциал; колоссальные природные ресурсы; уникальные интеллектуальные и духовные ресурсы, заложенные в науке и культуре; демографический потенциал. Интегральный критерий великодержавного статуса страны — ее способность оказывать преобразующее влияние на ход мировых событий и невозможность игнорирования мировым сообществом ее стратегических интересов.

Философ убежден, что императивы традиционной Русской идеи и Американской мечты — это в первую очередь именно ориентация на мессианизм — делают проблематичными устойчивые

---

¹ Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта //США*Канада: экономика, политика, культура. — 2000. — № 11. — С. 33-37.

дружеские отношения между Россией и Америкой по национально-государственной линии: «Истинный Мессия, истинный Спаситель человечества может быть только один. Два Спасителя — бессмыслица. Им тесно в мире. И если два великих народа, две великие державы — пусть они не провозглашают это публично или даже отрицают — внутренне «запрограммированы» на роль всемирного Мессии, споров и конфликтов между ними не избежать».

Существующее положение не пугает его в отличие от его либеральных коллег: сохранение исторической преемственности и самобытности, по мнению Э.Я. Баталова, совсем необязательно означает поражение России на пути реформ и конфронтацию с США и остальным миром, тем более изоляцию. Хотя Русская идея и Американская мечта не создают прочных оснований для устойчивой дружбы двух стран, считает он, они в то же время и не подталкивают их на путь вражды, чреватой взаимным уничтожением. Благо, что историческая память обоих народов не отягощена тяжелыми воспоминаниями о глубоких травмах, нанесенных другой стороной¹.

Как убеждает история, конкуренция и соперничество вовсе не исключают совпадения тактических и даже стратегических интересов (прежде всего в рамках все обостряющихся глобальных проблем), а следовательно партнерских и даже союзнических уз. Так что спектр возможных вариантов развития отношений между Россией и Америкой достаточно широк. Каким именно окажется выбор — покажет время. Важно только не ошибиться, предупреждает Э.Я. Баталов, как это уже не раз случалось на протяжении последних десяти лет. Американским и российским политикам и ученым следует, наверное, более внимательно

---

¹ Автор обращает внимание на тот факт, что в российском обществе всегда бытовало представление, будто Америка по духу ближе России, чем Европа, и что было бы хорошо теснее сойтись, а то и подружиться с североамериканцами. Он приводит слова В.С. Печерина — оригинального русского публициста и философа прошлого века: «Пора России перестать младенчествовать и обезьянничать Францией и Англией. Ей должно идти самостоятельным путем практического материального развития. Наша тесная дружба с Северной Америкой есть одно из знамений времени. Может быть не в очень далеком будущем свет увидит две исполинские демократии — Россию на Востоке, Америку на Западе: перед ними смолкнет земля». Печерин В.С. Замогильные записки (*Apologia pro vita mea*) // В сб.: Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И.А. Федосова. — М., 1989. — С. 307.

отнестись к истории и принять тот факт, что Америке и России друг друга не переделать, не победить и не отодвинуть локтем на периферию исторического процесса.

Сторонники и критики евразийской концепции, хотя и полемизируют друг с другом, одни, делая акцент на геостратегической составляющей политики России, другие — на внутренних факторах российской идентичности, по-своему правы. Однако следует признать, что России придется решать обе задачи — новой самоидентификации в современном мировом порядке и осуществления активной политики на основных направлениях — на восток и на запад — одновременно. Действия во внутренней и внешней сферах тесно взаимосвязаны — успех в одной неизбежно будет усиливать эффективность в другой. Вопрос в том, какое «Я» выберет Россия, ее руководство и общество, захотят ли они видеть страну великой державой и понести связанные с этим издержки или их устроит скромное положение рядовой благополучной страны.

Вопросов много. Один из них, как нам кажется, состоит в том, что до тех пор пока Россия остается одним из крупнейших государств мира, второй военной державой, евразийской державой, ей будет трудно заниматься либерально-демократическим строительством при скромной внешней политике. Как это ни банально повторять, Россия остается очень привлекательным пространством для многих стран, которые не откажутся от «поглощения» ее частей и их эксплуатации. Либеральную модель следует строить в той России, которая сохранилась после распада Российской империи и Советского Союза, сохраняя историческое и культурное наследие российского государства, а значит, и внешнеполитические традиции, которые диктуют ей активность и масштаб даже в ослабленном состоянии.

В дискуссиях по вопросам внешнеполитической стратегии отношениям с США всегда придавалось то или иное значение. Для либерально-западных политологов Соединенные Штаты вместе с Большой Европой виделись основным ориентиром российской политики, следуя которому она может осуществить модернизацию экономики и общества, сохранить международную субъектность. Для представителей либерально-консервативного направления, не отвергающих полностью идею евразийства — не столько как философской теории, а скорее как территориально-

экономической модели развития, США остаются важным, но не главным направлением внешней политики.

Неудачи и разочарования двусторонних отношений позволили отдельным авторам заявить, что повод для серьезного беспокойства есть. По заключению А.Д. Богатурова, он связан не с существованием между Россией и США противоречий, а с неуспехом попыток сформировать в российско-американских отношениях достаточно мощную сферу взаимопроникающих и переплетенных торгово-хозяйственных и финансово-экономических устремлений, которые могли бы «изнутри» комплекса двусторонних связей уравнивать и нейтрализовать противоречия, рост которых прогнозируем¹.

Серьезным тормозящим фактором остаются не только ошибки российского руководства и внешнеполитических специалистов, но и позиция американской элиты, упорно не желающей принять Россию такой, какая она есть, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В очередной раз вопрос об этом встал после начала международной антитеррористической кампании в октябре 2001 года. Возвращаясь к идее партнерства с США, Э.Я. Баталов и В.А. Кременюк отметили, что крупным просчетом американской политики была уверенность в том, что Россия готова играть роль младшего партнера, послушно идущего в фарватере Соединенных Штатов (чему способствовали в немалой степени усилия отдельных российских либеральных политиков и ученых, до сих пор верящих в то, что Россия должна идти именно в фарватере США и Запада). По мнению политологов, многовековая история России убедительно свидетельствует о том, что, испытывая колебания в периоды глубоких социально-политических кризисов (смут) и вроде бы теряя свое лицо, она в конце концов продолжала прерванный путь, в чем-то видоизменялась, но оставалась сама собой².

Об этом ранее писал С.В. Кортунов, отмечая, что «главным кризисом, который испытывала Россия после роспуска СССР, был кризис идентичности (субъектности), а основная дилемма ее раз-

---

¹ Богатуров А.Д. Стратегия «выравнивания» в международных отношениях и внешней политике США. — С. 28-29.

² Баталов Э.Я., Кременюк В.А. Друзья? Соперники? Партнеры? О возможном будущем на фоне недавнего прошлого.

вития была связана с неспособностью вернуться на исторически преемственный путь национально-государственного развития и, соответственно, самоопределиться в качестве современного субъекта в мировой политике, системе международных отношений и международного экономического разделения труда». Ответом на вопрос о том, стоит ли России претендовать на великодержавие, по мнению политолога, мог быть только утвердительный, подразумевающий не роль супердержавы, конкурирующей с США, а державы, занимающей равноправное место в пятерке ведущих мировых держав. Утрата статуса великой державы недопустима и чревата для России и всего мира серьезными последствиями¹.

Согласно позиции сторонников сохранения влиятельной позиции России в мире, неприятие этой истины на Западе и в США, отождествление этого с проявлением национализма или империализма — значит обрекать себя на новые политические просчеты в отношениях с Россией. В.А. Кременюк и Э.Я. Баталов высказали верную мысль о том, что в разворачивающемся сложном мире, конфигурация которого не устоялась, Америка нуждается в России как в партнере для решения глобальных и региональных проблем. Россия также нуждается в Америке: США остаются мощным центром военной силы, и без договоренностей с ними невозможно обеспечить национальную безопасность; они остаются важнейшим фактором финансово-экономического развития страны.

Главный вывод, который напрашивается на основе анализа современного состояния российско-американских отношений, состоит в следующем: сохранение диалога между двумя странами, реального взаимодействия на разных направлениях предполагает взаимопонимание и готовность к компромиссам с обеих сторон. Верно заявление ученых о том, что России предстоит научиться жить с Америкой, принимая во внимание ее интересы и потенциал, но не преувеличивая и не преуменьшая ее роль в жизни России и не превращая ее ни в мифического друга, ни в мифического врага. Оптимальным выбором для России может стать увязка политики на американском направлении с политикой на других направлениях и рассмотрение отношений с США в общем контексте внешней и оборонной политики Российской Федерации.

---

¹ Картунов С.В. Россия: национальная идентичность на рубеже веков. — С. 5-7.

Аналогичное понимание требуется и от США, которые, если они готовы к взаимодействию с Россией, должны отказаться от разного рода «крестовых походов» с целью навязать России неприемлемые модели развития; антирусизма как политического кредо и основы военных, политических и экономических союзов с другими странами; публичного унижения России.

* * *

К началу XXI века российская внешнеполитическая стратегия обрела четкие очертания. Идея великодержавности России в сочетании с прагматизмом и трезвой оценкой мировой ситуации и возможностей России была официально закреплена в Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года. Высшим приоритетом внешнеполитического курса России была объявлена защита интересов личности, общества и государства. В число основных целей вошли следующие:

– Обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам Российской Федерации как великой державы, как одного из влиятельных центров современного мира и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала.

– Воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права, включая прежде всего цели и принципы Устава ООН, на равноправных и партнерских отношениях между государствами.

– Создание благоприятных внешних условий для поступательного развития России, подъема ее экономики, повышения уровня жизни населения, успешного проведения демократических преобразований, укрепления основ конституционного строя, соблюдения прав и свобод человека.

– Формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах.

– Поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, строительство на этой основе системы партнерских и союзнических отношений, улучшающих условия и параметры международного взаимодействия.

– Всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом.

– Содействие позитивному восприятию Российской Федерации в мире, популяризации русского языка и культуры народов России в иностранных государствах.

Отмечено, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов; гарантия эффективности и надежности такого мироустройства – взаимный учет интересов; миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете права и широкой демократизации международных отношений; стратегия односторонних действий может дестабилизировать международную обстановку, провоцировать напряженность и гонку вооружений, усугубить межгосударственные противоречия, национальную и религиозную рознь. Применение силовых методов в обход действующих международно-правовых механизмов не способно устранить глубинные социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов, и лишь подрывает основы правопорядка¹.

Основополагающие документы внешней политики свидетельствуют о том, что усилия ведущих представителей внешнеполитического сообщества, на протяжении десяти лет активно обсуждавших весь спектр вопросов международной деятельности России, были учтены. Однако среди представителей политической элиты и академического сообщества нет полного согласия относительно правильности сделанного выбора. Как показывает история, достижение согласия дело нелегкое, почти невозможное. Главное состоит в том, чтобы продолжали сохраняться условия для многостороннего обсуждения всех проблем. «Концепция» – это не застывший доку-

---

¹ Дипломатический вестник. – 2000. – № 8. – С. 3-11.